

DOI 10.23859/2587-8344-2019-3-2-1

УДК 94(415).06

Стогова Анна Вячеславовна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН;
доцент, Факультет культурологии,
Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
anna100gova@yandex.ru

Stogova, Anna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
Assistant Professor, Faculty of Cultural Studies,
Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)
anna100gova@yandex.ru

Городское пространство повседневного общения в Лондоне XVII столетия*

Urban Space of Everyday Sociability in Seventeenth-Century London

Аннотация. Европейская культура раннего Нового времени отмечена стремительным развитием городской культуры, включавшем в себя появление разнообразных публичных пространств, становившихся новыми центрами социального общения. Эти трансформации существенно изменили тактики поведения горожан. В данной статье на основе дневника английского чиновника Сэмюэля Пипса анализируется, какие возможности для общения предоставляло пространство Лондона XVII века, и как могли варьироваться модели поведения в отношении общения в частном доме, различных публичных заведениях, а также садах и парках.

Ключевые слова: городское пространство, Сэмюэль Пипс, дневник, практики общения, Лондон, раннее Новое время, дом, таверна, кабак, театр, парк, сад.

* Для цитирования: Стогова А.В. Городское пространство повседневного общения в Лондоне XVII столетия // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 2. С. 542–589. DOI: 10.23859/2587-8344-2019-3-2-1

For citation: Stogova, A. “Urban Space of Everyday Sociability in Seventeenth-Century London.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 2 (2019): 542–589, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-2-1>

© Стогова А.В., 2019

© Stogova A., 2019

Abstract. History of early modern Europe was marked with the rapid development of urban culture which included the emergence of various public spaces that were to become the new centres of social intercourse. These transformations significantly changed behaviour tactics of the urban residents. Based on the diary of the British official Samuel Pepys, the article considers the opportunities for communication that the space of seventeenth-century London offered and the variations in behaviour patterns with respect to socializing in a private home, in different public establishments, and gardens and parks.

Key words: urban space, Samuel Pepys, diary, sociability, London, Early Modern period, home, tavern, theatre, park, garden

В последние десятилетия, после «пространственного поворота» в гуманитарном знании, изучение городской среды привлекает все большее внимание. Появилось огромное количество исследований конкретных городов в тот или иной период, или же отдельных элементов городского пространства. Вполне обоснованно, основное внимание в этих исследованиях уделяется городу как публичному пространству. А насколько мы можем сказать, что город раннего Нового времени был также и пространством частного общения? Как отмечают исследователи, всевозможные публичные пространства, наподобие таверн, пабов, клубов, кофеен или парков, которые активно развивались в Лондоне XVII столетия, стали использовать для закрепления и поддержания различных социальных связей, хотя еще в начале века эта функция принадлежала преимущественно немногочисленным социальным институтам, вроде прихода, двора, корпораций, цехов и т.п.¹ В этом отношении общение уже представлялось менее институционализированным.

Очевидно, что повседневный опыт городского существования в первую очередь определялся социальным статусом жителя – начиная от места его проживания и заканчивая теми городскими практиками, которые были ему доступны и соответствовали его представлениям о допустимом и приличествующем поведении. Городское пространство, обладавшее довольно четкими характеристиками и набором предоставляемых возможностей для общения жителей с различными социальными статусами, – это не просто декорации, в которых проходила их повседневная жизнь, но та структура, которая эту повседневность детерминировала. Уже с этой точки зрения изучение повседневных практик городского дружеского общения в Лондоне XVII века крайне интересно, поскольку в Новое время пространство крупных городов начинает стремительно меняться, неизбежно трансформируя повседневную жизнь их жителей. Чего стоит один только Великий лондонский пожар 1666 г., во время которого выго-

¹ *Bucholz R.O., Ward J.P.* London: A Social and Cultural History, 1550–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 203.

рела вся центральная часть города, и ее планировалось не просто отстроить заново, но воплотить при этом самые современные представления о том, каким должно быть это городское пространство.

Но история повседневности, по меньшей мере, в интерпретации Альфа Людтке² или Мишеля де Серто³ интересна не только изучением этой навязываемой людям рамки, но и того, какую тактику (говоря словами де Серто) выбирает отдельный индивид, как он сам конструирует собственную повседневную жизнь, принимая во внимание те возможности и ограничения, которые диктуются ему культурой, и наполняя свои действия теми или иными смыслами. И в этой связи оказывается важным изучить не только то, какие именно варианты совместного времяпрепровождения выбирают те или иные люди, и чем этот выбор может быть обусловлен, но и то, какие практики и по каким причинам могут рассматриваться или не рассматриваться как дружеские, соседские или деловые, какие из них связаны с проведением досуга, и как мы можем определить этот самый досуг. Причем эта сложность связана, прежде всего, с пространственным и временным фактором повседневного общения.

В той мере, в какой отношения подразумевают какую-то совместную деятельность и личные контакты, они должны иметь место в определенном пространстве. Совершенно уникальную возможность изучать пространственный аспект повседневных практик общения предоставляет самый известный английский дневник XVII столетия, написанный Сэмюэлем Пипсом, изобилующий разнообразными подробностями повседневной культуры, который и будет основным источником информации в данном исследовании.

Пипс был младшим ребенком в младшей ветви семейства, не получившим ничего от земель и иной собственности своего деда. Он был сыном портного и прачки, но имел влиятельного родственника и покровителя сэра Монтегю, протекция которого положила начало хорошей карьере. Пипс в течение своей жизни много раз менял место жительства. Родился он в районе Солсбери корт, рядом с Флит-стрит, у границ Сити. В 1660 г. первые дневниковые записи он ведет в доме в Экс-Ярде, в западной аристократической части города. В том же году начинается взлет его карьеры, благодаря успехам его покровителя, и Пипс становится клерком в Управлении флотом. Однако парадоксальным образом это повышение статуса способствует его переселению в восточную часть Лондона. Впрочем, хотя Пипс оказался далек от двора и аристократии, его новое жилье находилось в престижной торговой части Сити. Его новый дом, в котором он будет жить на протяжении всего того времени, что будет вестись днев-

² Людтке А. История повседневности Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010.

³ Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Европейский университет в СПб., 2013.

ник, находился на Ситинг-лейн, в непосредственной близости от Тауэрского холма. Это было единое большое здание, где располагалось само морское ведомство, а также жилье его основных чиновников. Оно имело общий внутренний двор и раньше принадлежало богатым купцам. Однако совсем рядом за средневековой городской стеной находился Ист-энд – бедные болотистые предместья Лондона, куда Пипс и тем более его жена не считали возможным для себя даже заходить.

Пипс так или иначе поддерживал отношения с огромным количеством людей⁴, в первую очередь в силу своих обязанностей, но при этом в повседневном круге его общения довольно легко выделить тех, кого он именуется «друзьями». Это люди чем-то ему интересные, с которыми приятно проводить время и, самое главное, люди, на чье доброе отношение к себе он может положиться, что отнюдь не означает, что практики общения с этими людьми будут как-то существенно отличаться от стратегий выстраивания деловых или иных отношений. Основная причина этого – отсутствие выделенности времени досуга. Дневник Пипса никоим образом не подтверждает тезис о том, что город раннего Нового времени дает возможность выделить досуг как особое время дня, посвященное частной жизни, развлечениям, общению с друзьями и т.п. Обычный день из жизни Пипса, даже воскресенье, представляет собой постоянное смешение дел и удовольствий. В качестве примера можно привести синопсис дел, перечисленных им в описании одного дня, 2 мая 1664 г., который ничем особенным не отличался от всех остальных:

Повалявшись в постели, он отправился в Сент-Джеймский дворец для встречи с герцогом Йоркским, своим коллегой сэром У. Баттенем и контролером флота сэром Джоном Миннесом. Выполнив намеченную работу, они прогулялись по Холлу Вестминстерского дворца, обсуждая дела. Затем, также по делам, Пипс отправился на биржу. Отобедав дома и навестив своего патрона лорда Монтегю, он встретился со своим другом капитаном Феррерсом, своей женой и ее подругой, чтобы прогуляться в Сент-Джеймском парке и отправиться в театр. После театра – вновь прогулка по парку, и потом, развезя дам по домам, Пипс опять отправляется в офис работать, где остается до самого ужина⁵.

Речь идет не только о темпоральной, но и о пространственной невычлененности практик общения – когда обеды или визиты в пространстве частного дома, равно как и «развлечения» в публичном пространстве – музыкальные вечера, прогулки по парку, визиты в театр, «посиделки» в таверне и т.п. еще не ассоциировались с частным общением, но были формами поддержания любых

⁴ В «Энциклопедии» Сэмюэля Пипса насчитывается более 2 700 имен.

⁵ *Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. Vol. 1–11. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2000. Vol. V. P. 138–139.*

значимых для человека отношений. В качестве примера можно привести отношения Пипса с его основным соперником за милости Монтегю, другим его помощником и протееже – Джоном Кридом. Пипс отмечает его «дурную натуру» (14.06.1666)⁶, не раз пишет, что ненавидит его (22.06.1668)⁷, но поддерживает постоянные отношения, почти ежедневно и не без удовольствия встречаясь с ним дома или в пабе, отправляясь вместе на прогулку в парк, в театр и т.д. Если бы не упоминания о более чем прохладном отношении, их практики общения весьма напоминали бы дружеские. Пипс называл это общение «отдыхом», но не выстраивал связи между «отдыхом» и «дружбой» и никогда не именовал Крида «другом»:

Встретился с Кридом и прогулялся с ним по Парку, круг или два, но без особого удовольствия, поскольку в голове крутились замыслы, как раздобыть денег, в силу чего я не могу позволить себе тот досуг, который мы имели обыкновение проводить вместе. Кроме того мне недавно рассказали странную, но правдивую историю, о его попытках в Оксфорде лечь с женщиной, которую спасли крики. Она стала известна, и это потихоньку заставляет меня ненавидеть его (18.02.1666)⁸.

Таким образом, компания для досуга у Пипса вовсе не равнозначна дружеской компании, а значит и практики проведения досуга не были специфически «дружескими». Вместе с тем, пространство города предоставляло довольно много возможностей для общения, что позволяло выстраивать разные стратегии общения с разными людьми, и подробные описания Пипса позволяют нам проследить, как он пользуется этими возможностями.

Развитие городской среды в XVII веке способствовало тому, что прежние стратегии социального общения вступают в конфликт друг с другом. Карл Уэстхаузер обратил внимание на нежелание Пипса использовать семейные обеды для поддержания необходимых связей⁹. Он проводит сравнение стратегий выстраивания социальных связей Пипса и его старшего современника Адама Уэйра. В центре внимания Уэстхаузера находятся все отношения, которые так или иначе способствуют повышению социального престижа – с соседями, друзьями, коллегами и т.п., которые могли именоваться «дружбой», и то, как поддержание этих отношений соотносится с семейной жизнью. Он отталкивается от тезиса, что Новому времени свойственно постепенное размывание вышеуказанных отношений и, напротив, повышение значимости семьи, и утверждает, что существовавшие ранее как взаимодополняющие стратегии поддер-

⁶ *Pepys S. The Diary. Vol. VII. P. 167.*

⁷ *Pepys S. The Diary. Vol. IX. P. 248.*

⁸ *Pepys S. The Diary. Vol. VII. P. 46.*

⁹ *Westhauser K. E. Friendship and Family in Early Modern England: The Sociability of Adam Eyre and Samuel Pepys // Journal of Social History. 1994. Vol. 27. No. 3 P. 517–536.*

жания отношений в публичном пространстве и в пространстве дома переживают кризис. Уэстхаузер справедливо отмечает, что получение должности в морском ведомстве означало для Пипса не только существенное повышение статуса, но и проблемы с выстраиванием отношений. Его новые коллеги и соседи – сэр Уильям Баттен и сэр Уильям Пенн – уже состоявшиеся на королевской службе и более состоятельные, хотя и относились к нему довольно приветливо, пытались выстроить определенную субординацию, что начинает волновать Пипса с 1661 г. С этим обстоятельством Вестхаузер связывает тот факт, что зимой 1661–1662 г. Пипс резко ограничил круг своего общения и еще более заметно – общение в тавернах и пивных¹⁰, желая сократить расходы и сосредоточиться на делах, а также поднять свой социальный престиж.

Однако, отмечает исследователь, в случае Пипса эти изменения не способствовали налаживанию семейных отношений. Он объясняет это тем, что городское пространство давало больше возможностей для женской социальности. Пипс, в отличие от Эйра, жившего в сельской местности Йоркшира, нередко отправлялся в город с женой. Сократив свое «публичное» общение, он тем самым лишил ее почти всех удовольствий. Экономия ради будущего более высокого статуса («завести свою коляску»), оставила Элизабет почти вовсе без общения. Насладиться же плодами экономии она так и не успела, поскольку рано умерла.

Пипс, однако же, не делает выбор и в пользу гостеприимства. Его утомляет необходимость наносить визиты и потакать желаниям тех, кто считает себя выше него, равно как и тщетно зазывать их к себе домой. Более-менее равные отношения, со взаимными визитами, казалось, наладились у Пипса с Уильямом Пенном, но потом и они испортились. Основным местом поддержания отношений для Пипса становится офис, тем самым Пипс более четко отделяет «дела» и «семью».

Вестхаузер приходит к выводу, что

дружба и брак предъявляли мужчинам XVII столетия требования, которые вступали в противоречие между собой. Женатые мужчины разными способами пытались балансировать между ними, манипулируя своим участием в различных институтах общения¹¹.

Он связывает как наметившиеся противоречия между разными формами социальности, так и неудачи Пипса в тех стратегиях, которые удались Уэйру, с требованиями мегаполиса и иной структурой городского сообщества. Однако эти рассуждения нельзя признать вполне корректными, поскольку Уэйр и Пипс изначально находились в принципиально различных ситуациях (впрочем, тоже

¹⁰ *Westhauser K.E.* Friendship and Family. P. 524.

¹¹ *Westhauser K.E.* Friendship and Family. P. 530.

обусловленных большей социальной мобильностью, свойственной городскому сообществу). Уэйр выстраивал отношения в стабильном сообществе, где он имел давний, всеми признанный социальный статус, ему не было нужды доказывать свои претензии на социальное положение. Пипс же оказался в радикально отличной ситуации, поскольку его социальный статус, равно как и круг общения, резко изменился. Он претендовал на равенство с теми людьми, в круг которых вошел, они же считали его, вчерашнего мальчика на побегушках, выскочкой, безусловно обладающим более низким статусом. Неудачи Пипса во многом обусловлены нежеланием его новых коллег признавать за ним тот статус, на который он претендует. Поведение Уэйра было нацелено на то, чтобы поддерживать свой статус, поведение Пипса – на то, чтобы его завоевать.

Кроме того, из рассмотрения отношений Пипса с его покровителем лордом Монтегю и новыми коллегами Уильямом Баттенем и Уильямом Пенном вряд ли возможно сделать вывод о стратегиях дружеской коммуникации. Бесспорно, все эти отношения могут быть описаны в терминах дружбы, и, безусловно, Пипс претендует на то, чтобы они стали таковой, однако он остерегался таких определений. Он стремился завоевать уважение Уильяма Баттена, но не ценил его:

В полдень, будучи приглашен, я отправился с сэром Дж. [Картером] и мистером Ковентри к сэру У. Баттену, и было очень весело. И я был очень дружелюбен с сэром Уильямом, и он со мной, и соглашался со мной, но я знаю, что он завидует мне, и не ценю его (29.07.1662)¹².

Равным образом в отношении У. Пенна Пипс не раз отмечает «фальшивость его дружбы» (20.02.1667)¹³. Не вполне понятно, почему выбор Уэстхаузера был ограничен этими людьми, в то время как Пипс, даже оказавшись в новой для себя ситуации, вполне успешно выстраивал отношения как со своими прежними знакомыми, связи с которыми он считал нужным поддерживать, так и с теми новыми «друзьями», с которыми не приходилось напрямую конкурировать. Будет точнее сказать, что город предоставлял более широкий и разнообразный круг общения, а также возможность использовать больше различных пространств коммуникации, а соответственно – возможность для выстраивания различных стратегий коммуникации с разными людьми из своего окружения.

Сложно сопоставлять и положение жены Пипса и жены Уэйра. Элизабет Пипс, хоть и жаловалась на одиночество, прося мужа о компаньонке, тем не менее, вела весьма активную жизнь не только в компании мужа. Она нередко одна отправлялась с визитами к старым друзьям (муж порой подвозил ее в Экс-Ярд), или те приходили навещать именно ее во время «рабочего дня» Пипса,

¹² *Pepys S. The Diary. Vol. III. P. 148–149.*

¹³ *Pepys S. The Diary. Vol. VIII. P. 75.*

она отправлялась с подругами или компаньонками на прогулки, порой весьма длительные, не говоря уже о том, что муж вывозил ее в гости, в театр, в парки и т.п. В феврале 1665 года он отмечает, что жена несколько недель не выходила из дома, что явно было чем-то необычным (27.02.1665)¹⁴.

Действительно, нельзя не согласиться с основным тезисом Уэстхаузера о том, что множественность возможностей для социализации, которую начинает предлагать городская среда Лондона, может порождать конфликты в семейных отношениях. Но тем интересней посмотреть, как горожане приспособивались к новым возможностям и какие тактики, выражаясь словами Мишеля де Серто, они использовали, осваивая городское пространство.

ДОМ

Визиты и обеды, о которых рассуждал Уэстхаузер, – обычная, традиционная практика поддержания самого разного рода отношений. Исследователи, занимающиеся историей семьи и брака, связывают подобные традиции социальности с представлением о семейных узах как отношениях, интегрированных в более широкий комплекс социальных связей. Как отмечает Сьюзан Эмюссен,

в представлениях раннего Нового времени отсутствовало разделение между „семьей” и „обществом”, семья представлялась идеальной моделью не только гендерной системы, но и отношений в обществе¹⁵.

Соответственно, гостеприимство было столь же важной стратегией поддержания социальных отношений, как и публичное общение.

Однако, действительно, нельзя сказать, что для Пипса эта стратегия является основной. Во многом это связано с тем, что различные практики поддержания знакомств были незаметно вписаны в круг повседневных дел. Особенно это заметно в отношении совместных обедов (как дома или в гостях, так и в публичном заведении). Большая часть совместных обедов в доме Пипса – это не торжественные, заранее подготовленные мероприятия, т.н. «званные обеды». Как правило, кто-то, заглянувший к нему днем, оставался на трапезу. Обедали англичане в XVII веке довольно рано, а посему, выполнив определенную часть служебных обязанностей в офисе, Пипс отправлялся обедать с «друзьями», а затем вновь принимался за дела:

¹⁴ *Pepys S.* The Diary. Vol. VI. P. 45.

¹⁵ *Amussen S.D.* Gender, Family and the Social Order, 1560–1725 // Order and Disorder in Early Modern England / ed. by A. Fletcher and J. Stevenson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 196.

В офисе все утро. В полдень все мы обедали у капитана Коука за говяжьим филе и другим отличным мясом; хотя все оно было замороженным и почти все недожаренным. Зато очень весело и мы сами приготовили большое блюдо дичи. Был м[истер] Ивлин и в очень хорошем настроении. Всю вторую половину дня до темноты провел очень приятно. Затем попрощался и в офис, где написал несколько писем, и домой. Голова полна делами и некоторые проблемы с жильем и счетами стали столь серьезными, что этой ночью я дал себе слово больше не пить вина и тому подобного, и оставить такое наказание, покуда я не отдам долги и не оплачу все расходы (21.12.1665)¹⁶.

Специфика службы Пипса, заставлявшая его постоянно перемещаться по довольно большому городу и обилие заведений, где можно было провести время и вкусно поесть, делали возвращение домой только ради обеда не самой удобной и выгодной моделью поведения. Выбор между обедом дома или за его пределами чаще всего определялся тем, где и с кем в данный момент находился Пипс: «...с м[истером] Дж. Миннесом и м[истером] Ковентри в Сент-Джеймс и там очень славно пообедали с м[истером] Ковентри...» (02.06.1664)¹⁷. Как правило, Пипс обедал дома, если в соответствующий промежуток времени находился в своем офисе (располагавшемся в том же здании)¹⁸ или где-то поблизости.

Неудивительно, что такого рода обеды, вне зависимости от того, где они имели место, чаще всего служили неформальным продолжением служебных обязанностей. Ужины и игра в карты, безусловно, были больше отделены от повседневных дел, поскольку проходили вечером, а потому чаще имели место в пространстве дома:

...затем к м[иссис] Тернер, где моя жена и Деб. [Дебора Уиллет – служанка Пипсов], и я, и Бейтлер провели вечер и ужинали, и играли в карты, и было очень весело, и засим домой спать (23.01.1668)¹⁹.

Нельзя сказать, что это было четко установленным правилом, поскольку нередко дела задерживали Пипса допоздна и вынуждали ужинать в другом месте. Интересно и то, что такое «вечернее» общение, как правило, связывает Пипса все с тем же кругом лиц. (Миссис Элизабет Тернер – жена клерка в Управлении флотом, Уильям Бейтлер – торговец.)

¹⁶ Pepys S. The Diary. Vol. VI. P. 335–336.

¹⁷ Pepys S. The Diary. Vol. V. P. 166.

¹⁸ Можно отметить и тот факт, что несмотря на то, что в «дневниковый» период пространственная дистанция между «работой» и «домом» у него была фактически сведена к минимуму, в дневнике он всегда четко проводит различия между этими двумя пространствами, указывая, пошел ли он «домой» или «в офис». Женщинам вход в офисное пространство был запрещен и Пипс нередко отправлялся туда, пресекая тем самым споры с супругой.

¹⁹ Pepys S. The Diary. Vol. IX. P. 36.

Вообще можно отметить, что круг общения Пипса – это главным образом люди, так или иначе связанные со сферой его обязанностей. Это люди лорда Монтегю, чиновники, с которыми Пипс контактирует по делам морского ведомства, моряки, преимущественно капитаны, купцы, занимающиеся морской торговлей. Нередко за обедом или ужином продолжают обсуждаться деловые вопросы. Несмотря на такую пространственную и темпоральную невыделенность досуга, записи в дневнике позволяют говорить о том, что Пипс очень четко разграничивал общение, имеющее место за пределами «рабочего» пространства – собственного офиса, Уайтхолла, Сент-Джеймского дворца и т.п., даже если речь шла об общении с одними и теми же людьми. Это времяпрепровождение было ценно для него прежде всего получаемым удовольствием, которое Пипс неизменно подчеркивает:

также ко мне на обед пришел м[истер] Хоу. И у нас был славный обед и отличная, оживленная и очень приятная беседа. Я получил огромное наслаждение от того, что друзья собрались за моим столом (06.01.1667)²⁰.

Это удовольствие от общения напрямую коррелирует с тем, кого из своих посетителей или хозяев, к которым он приходит сам, Пипс именует «друзьями», хотя и не определяет полностью суть «дружбы». В тексте Пипса довольно отчетливо выделяется круг лиц, общение с которыми доставляет ему удовольствие.

Также очевидно, что круг общения Пипса не гомогенен и разные компании почти не пересекались. Во всяком случае, приглашая гостей, Пипс не стремился эти разные компании перемешать, даже если их могли бы объединить общие интересы. К примеру, одним из больших увлечений Пипса было пение, и существовала отдельная компания, душой которой были Томас Хилл и Томас Эндрюс, которые приходили к нему домой для того, чтобы предаться общему увлечению и никогда не пересекались с другими знакомыми Пипса. Хотя эти знакомства также были «деловыми» – Томас Эндрюс был купцом, имевшим дела с Танжером, Томас Хилл – связан с морским комитетом, но это была особая музыкальная компания для пения. («Вечером пришел м[истер] Эндрюс с женой и м[истер] Хилл и остались, играли и пели, и ужинали; превосходнейшая компания, столь приятная, остроумная и безобидная, лучшей не могу и пожелать» (11.06.1665)²¹). При этом Пипс не стремился познакомить этих людей и с другими своими знакомыми, с которыми нередко предавался любимому хобби в гостях, дома или в саду.

Также отдельно Пипс встречался со своими прежними друзьями, связывающими его с Монтегю и Экс-Ярдом – семьями Хантов, Пирсов, капитаном Феррерсом и другими. А для Элизабет Пипс все подруги, которых она могла

²⁰ *Pepys S. The Diary. Vol. VIII. P. 5.*

²¹ *Pepys S. The Diary. Vol. VI. 125.*

навещать одна, без мужа, ограничивались этим кругом старых друзей и соседей:

...и после полудня вышел с женой, которая отправилась обедать с У. Хьюитом и Уиллет у м[иссис] Пирс. Но я и не думал оставаться с ними, поскольку мне очевидно, что моя жена встревожена моей дружбой с ней (Деборой Уиллет – А.С.) и Непп. И потому я обедал с милордом Крю, с которым был м[истер] Браун, клерк Палаты лордов, и м[истер] Джон Крю (1.01.1668)²².

Хотя, безусловно, она встречалась и с новыми знакомыми мужа, налаживала отношения с их женами:

...и домой, где обнаружил м[иссис] Пен, м[иссис] Рут и Смита, которые играли в карты с моей женой; я дал им барель устриц, и к ужину была курица... (29.01.1662)²³

Возможно, некоторая отстраненность Элизабет Пипс от новых знакомств мужа была связана с тем, что он частенько не желал привлекать жену для устраивания новых взаимоотношений на службе, что подтверждает основной тезис Уэстхаузера. По этой же причине он нечасто брал с собой жену, отправляясь в гости к новым коллегам, дабы избежать подобных эксцессов:

Обедать к сэру Уильяму Пенну (это был торжественный праздничный день с ним, день его свадьбы; и у нас было помимо хорошего филе говядины и другого отличного филе восемнадцать сладких пирогов на блюде по числу лет, прожитых им в браке); там был сэр У. Баттен со своей женой и дочерьми и полковник Тресуэлл и майор Холмс, который, как я почувствовал, был склонен повольничать и сблизиться с моей женой; но я должен это предотвратить (06.01.1662)²⁴.

Можно предположить, что разнообразие пространств для общения, которое предоставлял Лондон, не только действительно могло провоцировать различные конфликты, но и предоставляло возможность по своему усмотрению разделять круги общения в своем доме, не в ущерб поддержанию связей. Именно эта возможность привела к тому, что Пипс редко устраивал званые обеды, призванные поддержать отношения с коллегами и соседями, предпочитая общение небольшими разрозненными компаниями, в которых он чувствовал себя комфортнее. И как раз, за исключением коллег-соперников в офисе, эта стратегия ему вполне удавалась. И если Уильям Баттен предпочитал не звать жену Пипса в свой дом, то другие его знакомые, нередко даже более высокопоставленные, посылали за ней экипаж, чтобы она могла присоединиться к обществу:

²² Pepys S. The Diary. Vol. IX. P. 1.

²³ Pepys S. The Diary. Vol. III. P. 19.

²⁴ Pepys S. The Diary. Vol. III. P. 4.

В полдень по приглашению все мы к милорду Брюнкеру обедать, где был хороший пирог с олениной и чрезвычайно весело. Здесь был сэр У. Дойли, недавно вернувшийся из Ипсвича из-за болезни и ранения, и м[истер] Ивлин и Капитан Кок. Лорд Брюнкер, Кок также послали за моей женой, и она была тут (09.09.1665)²⁵.

ПУБЛИЧНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Возможность сочетать самые разные стратегии поведения и общения еще в большей степени актуальна, когда речь идет о публичных пространствах города, которые в раннее Новое время становятся все более разнообразными и многочисленными. Окончание гражданских войн, снятие пуританских запретов в период Реставрации значительно оживили городскую жизнь, в связи с чем то и дело появлялись новые места, вызывающие интерес Пипса. При этом нельзя забывать, что пространство города было иерархизировано не только в плане выбора места жительства. Многие социальные практики, связанные с коммуникацией, определялись в первую очередь статусом. Пипсу были недоступны балы и прочие придворные развлечения, включая спортивные, – к примеру, теннис, на который он только приходил посмотреть. С другой стороны, существовали развлечения, которые он считал для себя зазорными, вроде разнообразных уличных забав – футбола или петушиных боев. Социальные связи, безусловно, порой вынуждали к некоторым видам активности. Пипс не увлекался спортивными играми, но весной 1660-го года начал чуть ли не ежедневно играть в кегли. По всей видимости, это было увлечение его патрона, который нередко и становился партнером или соперником в игре. Другие игры упоминаются в его тексте лишь несколько раз, появившись в жизни Пипса явно не в силу личного увлечения, а ради поддержания компании. С другой стороны, пренебрежение этими формами общения, невозможное в случае отношений патрона и клиента, в более равных отношениях оказывается вполне приемлемым в силу того, что они рассматриваются скорее как личные увлечения, нежели как практики, объединяющие те или иные сообщества. Этому способствует гетерогенность круга общения Пипса, а также множественность практик и пространств общения, которая позволяет делать индивидуальный выбор.

Если говорить о тех пространствах, которые в наибольшей степени задействует сам Пипс, то начать стоит со всевозможных питейных заведений, кабаков и таверн, о которых отчасти уже шла речь выше. Многие исследователи отмечают, что общение в подобных заведениях ассоциировалось с юностью²⁶, «клубным общением», и было свойственно тем, кто приобщается к миру взрослых, желает завязать необходимые для карьеры связи, оплачивая выпивку «дру-

²⁵ Pepys S. The Diary. Vol. VI. P. 217.

²⁶ См., например: Shepard A. Meaning of Manhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 103.

зей». А потому, как пишет Уэстхаузер, такое общение не пристало человеку, позиционирующему себя уже добившимся определенного успеха²⁷. С этой заботой о статусе (напрямую коррелирующим и с финансовым положением) исследователь связывает отказ Уэйра и Пипса от слишком частого общения в подобных заведениях.

С другой стороны, таверны и пивные отнюдь не были заполнены лишь юнцами. «Многие лондонцы, – отмечают исследователи, – посещали пивные, таверны и кофейни для того, чтобы насладиться хорошей компанией, расслабиться, выпить, покурить, обменяться новостями и сплетнями»²⁸. Для иностранцев это пристрастие бросалось в глаза и казалось свидетельством лени, свойственной английской нации. Француз Самюэль Сорбьер, посетивший Англию в 1663 г., отмечал:

После еды принято покурить табаку; и за этим занятием проводят долгое время в разговорах. Почтенные люди в этом не столь усердны, как народ, но практически не проходит и дня, чтобы ремесленнику не потребовалось отправиться в кабак покурить с кем-то из своих друзей. Вот почему вокруг полно таверн, а дела в лавках ведутся медленно²⁹.

Марк Хейлвуд, изучивший различные свидетельства, касающиеся лондонских кабаков, пришел к выводу, что современники видели и существенную позитивную роль питейных заведений, признавая их значимость как центров общения в личной и социальной жизни посетителей³⁰. Совместная выпивка могла рассматриваться как способ разрешения конфликта или символизировала заключение деловой договоренности³¹. В ставшем уже классическим исследовании английских кабаков Питер Кларк подчеркивал их роль в социальной жизни различных сообществ, как пространств общения, где могли обсуждаться дела и заключаться сделки, происходил обмен информацией, обсуждались политические события, формировались социальные ритуалы³².

В 1665–68 гг., которые остались вне сферы внимания Уэстхаузера, Пипс вновь начинает чаще посещать таверны и пивные. Объяснить это можно тем, что эти общественные заведения, предлагали довольно большой спектр возможностей для общения. Действительно, в 1660–62 гг. Пипс использует их для социализации. Это период, когда ему нужно утвердить себя в новом обществе и

²⁷ *Westhauser K.E.* Friendship and Family. P. 525

²⁸ *Porter S.* Pepys's London. Stroud, 2011. P. 62.

²⁹ *Sorbière S.* Relation d'un voyage en Angleterre. Paris: L. Billaine, 1664. P. 149–150.

³⁰ *Hailwood M.* Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014. P. 56

³¹ *Hailwood M.* Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England. P. 114.

³² *Clark P.* The English Alehouse: A Social History, 1200–1830. London, New York: Longman, 1983. P. 2.

сохранить необходимые связи в старом. Один из способов, к которым он прибегает – это «пирушки» в достаточно обширных компаниях в тех заведениях, которые расположены в непосредственной близости от, соответственно, Казначейства и первого дома Пипса и офиса Управления флотом и второго дома Пипса:

Оставив жену у м[иссис] Хант я к Милорду, а оттуда с судьей-адвокатом Фоллером, м[истером] Кридом и м[истером] Шепли в Рейнский винный дом, и с нами капитан Хайвард с “Плимута”, которому теперь приказали привезти в Константинополь посланника лорда Уинчелси. Нам было очень весело и судья-адвокат дал капитану Хэйворду клятву верности и покорности (09.08.1660)³³.

Впоследствии подобные пиршества сходят на нет, но Пипс остается навсегда кабаков. У него довольно быстро сформировался узкий круг любимых мест, но чаще всего выбор был случаен. Из 148 подобных заведений, упоминавшихся в дневнике Пипса, только 17 встречаются в тексте более 10 раз. В остальные он забегал в среднем 2–4 раза за весь «дневниковый» период. Крайне редко Пипс посещал питейные дома, которые считались более низкопробными заведениями. В подавляющем числе случаев Пипс посещал таверны, имевшие более высокий статус и служившие центрами общения для городской элиты³⁴.

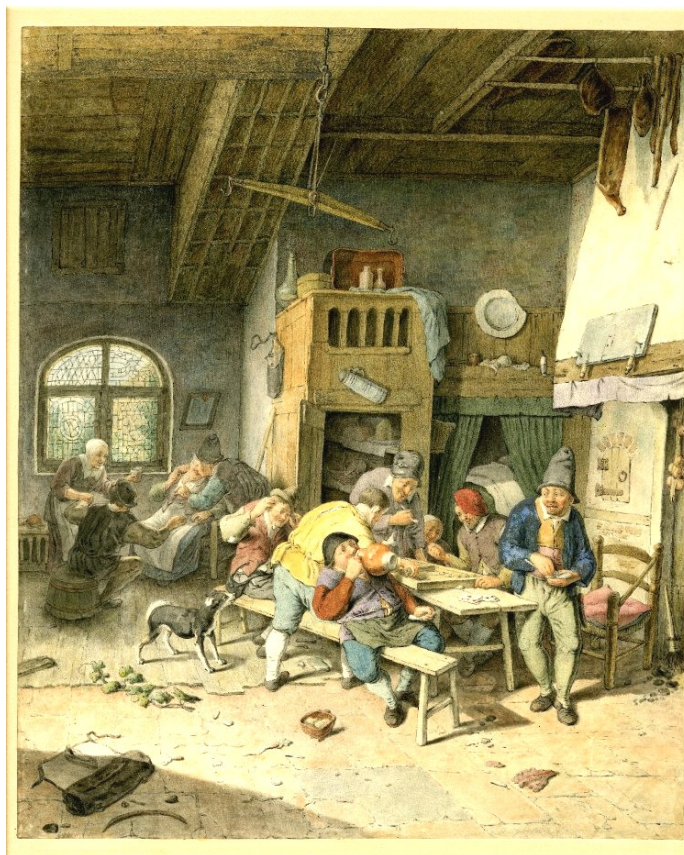
Из упоминаемых 17 таверн в первые годы ведения дневника Пипс с большими компаниями имел обыкновение посещать лишь пять. Четыре из них («Голова быка», «Рейнский винный дом», «Солнце» и «Нога») были расположены в районе Уайтхолла и только «Дельфин» – в районе Тауэра, где находился новый дом Пипса. Первое время он ведет себя так же и в новой компании, в которую входят отнюдь не только «оба сэра Уильяма», отношения с которыми в силу соперничества не очень сложились, но и капитаны судов и разнообразные чиновники, так или иначе связанные с его новыми обязанностями и постоянно околачивающиеся в офисе Управления флотом, рядом с которым был расположен «Дельфин»:

Затем домой и обнаружил, что оба сэра Уильяма и еще большая компания отправилась в «Дельфин» пропить 30 шиллингов, которые мы как-то получили от сэра У. Пена за его кружку. Здесь были сэр Р. Слингсби, Холмс, кап[итан] Аллен, м[истер] Тернер, его жена и дочь, миледи Баттен и м[иссис] Марта и превосходная компания бездельников; так мы просидели чрезвычайно весело допоздна; и затем стали объяснять сэру У. Пену суть дела, но он был сегодня пьян и почти отключил-

³³ *Pepys S. The Diary. Vol. I. P. 217.*

³⁴ *O'Calligan M. Tavern Societies, the Inn of Court, and the Culture of Conviviality in Early Seventeenth-Century London // A Pleasing Sinne: Drink and Conviviality in Seventeenth-Century England / ed. by A. Smith. Cambridge: D.S. Brewer, 2004. P. 38.*

ся, так что мы не могли ничего ему втолковать, что еще больше нас развеселило (09.09.1661)³⁵.

Корнелис Дюсарт «Сцена в таверне». (Cornelis Dusart. Scene in a tavern)
Рисунок, ок 1675–1704. (Британский музей)

Количество таких многолюдных пирушек становится меньше в 1661 году по отношению к старым знакомым, и в 1663 – по отношению к новым. Во-первых, это действительно довольно разорительно. Во-вторых, намерение поддержать старые связи было довольно отчетливо заявлено, основа новых отношений – заложена. Дальше Пипс общался преимущественно с каждым в отдельности, а не со всеми сразу. Нельзя сказать, что пирушки прекратились вовсе, тем более что в таверне можно было не только подкрепиться или выпить вина, но и поиграть в карты – интерес, разделявшийся не только Пипсом, но и его женой.

Тем не менее, за исключением указанных 5 мест, Пипс даже в 1660–62 гг. приходил в подобные заведения в основном с 1–2 спутниками (что, конечно, не означало, что он не мог найти там более обширную компанию). С 1663 г. это можно сказать почти обо всех его визитах в таверны и пабы. Как правило, такие встречи не были запланированы заранее. Он то и дело встречал знакомых в Казначействе, на Бирже, в Сент-Джеймском дворце или просто на улице и в самой таверне:

³⁵ *Pepys S. The Diary. Vol. II. P. 175.*

Затем с м[истером] Кридом в «Голову короля», где славно пообедали, и после обеда между сэром Томасом Уиллисом и другим незнакомцем, Кридом и мной завязалась беседа. Они, не зная о том, кто я есть, говорили об ошибках и коррупции во флоте, о больших тратах на него, что я в конце-концов опроверг и вывел их из заблуждения. Они восприняли это очень хорошо, и я надеюсь, это послужит к пользе, ибо оба они члены парламента (08.02.1663)³⁶.

В том же районе сконцентрированы основные таверны, в которых он бывал. Нередко, перемещаясь по городу и встречая разных знакомых, Пипс по 3–4 раза за день забегал в пабы или таверны, и с одними и теми же людьми он встречался приблизительно в одних и тех же тавернах – там, где была вероятность их встретить. Как уже говорилось, очень сложно отделить в данном случае его дружеское общение от деловых контактов, пожалуй, только заранее назначенные встречи были обусловлены в первую очередь интересами дела. Такие повседневные более или менее длительные контакты (в зависимости от того, заглянули ли они на стакан эля или ради обеда, который, бегая по городу, Пипс не всегда имел возможность получить дома), как правило, сочетали обсуждение дел и душевную беседу. Даже заходя пообедать в одиночестве, Пипс, как правило, отмечал, нашел ли он в таверне хорошую компанию:

И так я в таверну «Голова попа», где обнаружил м[истера] Гаудена и капитана Бэдворда, и Ника Осборна, собирающихся обедать, и я отобедал с ними и нам было чрезвычайно весело, как мне не было уже давно... (14.12.1665)³⁷

Давали эти заведения и другую возможность, которую Пипс все больше начинает ценить после неоднократных скандалов с женой из-за его слишком пристального внимания к женщинам, в особенности к домашней прислуге, – возможность снять комнату для любовных приключений³⁸. В последние годы он часто заглядывает в определенные таверны из-за работавших там не слишком щепетильных служанок, или приводит туда своих любовниц.

Собственно говоря, эта множественность разных стратегий общения с разными людьми, предоставляемая заведениями вроде таверн и кабаков, делала их обязательным элементом повседневного опыта Пипса, ибо за редким исключением не было дня, чтобы наш герой их не посетил. И, безусловно, большое значение в этом общении имела социальная роль еды и особенно алкогольных напитков, способствовавших непринужденному общению.

Интересен опыт использования Пипсом и пространства кофеен, появившихся в Лондоне в 1650-х гг. Их в тексте Пипса упоминается всего 7, но их и в

³⁶ *Pepys S. The Diary. Vol. IV. P. 37.*

³⁷ *Pepys S. The Diary. Vol. VI. P. 329.*

³⁸ *Kümin B. Drinking Matters. Public Houses and Social Exchange in Early Modern Central Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 132.*

действительности было куда меньше, чем питейных заведений. О социокультурной роли кофе и его роли в трансформации социальной жизни написано немало исследований³⁹. Специфика кофеен заключалась в том, что там не продавали алкогольных напитков, но можно было попробовать помимо кофе другие экзотические товары – чай и шоколад, покурить табак и купить самые разные снадобья. Это отсутствие алкоголя, как считают исследователи, способствовало более серьезным беседам. Брайан Коуэн характеризует кофейни как пространство, где люди собирались, чтобы узнать свежие новости и обсудить важные сделки⁴⁰. Там завязывались дискуссии на самые разные темы, от политики (чем прославился республиканский Рота-клуб, собиравшийся «У Майлза») до египетских древностей или изучения насекомых. Стоил кофе относительно дешево, поэтому в кофейнях собиралась самая разная публика⁴¹. Уже в 1660-х гг. появилась своего рода специализация кофеен, сближавшая их с клубной формой общения. В кофейне Ллойда встречались купцы и моряки, занятые в международной торговле (считается, что из этого вырос страховый дом Ллойда), кофейня «У Уилла», рядом с Ковент-Гарденом, была любима литераторами, ее завсегдатаем и душой компании был драматург Джон Драйден, которого Пипс немного знал по Кембриджу. Несмотря на признанную роль кофеен в формировании публичной сферы, они могли рассматриваться и как «частное» пространство для отдыха, бесед с друзьями и соседями. Как и в тавернах, здесь могло собираться частное локальное сообщество. Б. Коуэн подчеркивает, что никакого противостояния между «частной» и «публичной» функцией кофеен не было⁴².

Поначалу Пипс пытается использовать кофейни так же, как и прочие питейные заведения, забегая туда с одним-двумя попутчиками, – как пространство для общения с друзьями, знакомыми и коллегами, место, где можно поговорить и поиграть в карты:

³⁹ См., например: *Ellis A. The Penny Universities. A History of the Coffee Houses*. London: Secker&Warburg, 1956; *Cowan B. The Social Life of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse*. New Haven: Yale University Press, 2005; *Ellis M. The Coffee House: A Cultural History*. London: Natchette UK, 2011. О роли кофеен в формировании читательской аудитории пишет Л. Алябьева: *Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках*. М.: НЛЮ, 2004. С. 119–132.

⁴⁰ *Cowan B. The Social Life of Coffee*. P. 79.

⁴¹ Исследователи долго спорили, допускались ли в кофейни женщины. Поводом для дискуссий была «Петиция женщин против кофе» 1674 г. По всей видимости, следует согласиться с Б. Коуэном в том, что формального запрета не существовало, но специфика кофеен и завязывавшихся в них дискуссий практически исключала возможность участия в них женщин. Во всяком случае, Пипс как-то раз вывел жену и ее компаньонку в кофейню (30.03.1668).

⁴² *Cowan B. Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses // History Compass*. 2007. V. 5. No. 4. P. 1183.

Затем в Уайтхолл и там встретил м[истера] Мура, с которым завязался разговор о выходке милорда в Челси, о чем мы говорили, добираясь по воде и в большой кофейне напротив Биржи, где долгое время просидели беседуя. И я понял, что милорд совершенно отдался своей девке, у которой по всей видимости репутация обычной проститутки (19.08.1663)⁴³.

Интерьер лондонской кофейни. Анонимный рисунок.
Ок. 1690–1700 (Британский музей)

Именно так он общался в кофейне «У Уилла»: отмечая, что там вокруг Драйдена собирается определенное сообщество, сам он заходил туда с одним-двумя приятелями, чтобы выпить кофе и, порой, пообедать. Он часто заглядывал в эту кофейню в 1660 году, особенно в его начале, но вовсе перестал посещать это место после 1662 года. Вероятно, это связано не только с переездом, но и с тем, что с конца 1663 года Пипс изменяет стратегию и начинает ходить в кофейни один, ради того, чтобы послушать или поучаствовать в интересных беседах, которые там завязывались, порой между малознакомыми или вовсе незнакомыми людьми. Вероятно, беседы литераторов были для него не слишком интересны, поэтому он выбирал кофейни, где собиралось более ученое общество:

В полдень в кофейню, где была превосходная беседа с сэром Уильямом Петти, который предложил рассматривать как весьма спорный вопрос о существовании различия между бодрствованием и сновидением, поскольку сложно не только понять, делаем ли мы нечто в действительности или же во сне, но и выяснить разницу между одним и другим (02.04.1664)⁴⁴.

⁴³ Pepys S. The Diary. Vol. IV. P. 280–281.

⁴⁴ Pepys S. The Diary. Vol. V. P. 108.

Иными словами в пространстве кофеен Пипс начинает реализовывать радикально иную стратегию социабельности, основанную на общих интересах при отсутствии необходимости поддерживать связи. Он не становится завсегдатаем одной кофейни, но посещает несколько, тем самым делая сообщество общения максимально открытым и непостоянным, что позволяло создавать эффект общения ради общения, беседы ради беседы. И если, забегая в таверну, он нередко отмечает, что там не было хорошей компании, то неудачный поход в кофейню связывается с тем, что там не было «интересной беседы». Кофейни в силу экзотичности продаваемого там товара и неизбежных рассказов о заморских странах были очень тесно связаны с культурой любопытства. Оксфордские кафе были знамениты тем, что там встречались английские интеллектуалы – *virtuosi*. Как пишет Б. Коуэн, успех кофеен основан на сочетании меркантильной деловой смекалки и энтузиазма *virtuosi* в отношении кофе⁴⁵. В силу этого неудивительно, что Пипс выбирает в отношении кофеен ту же стратегию поведения, что и в отношении других мест, куда его влечет научное любопытство – Грешем-колледжа и Королевского общества (при всех различиях, особенно в отношении Королевского общества, представлявшего собой закрытое сообщество, в отличие от сообщества посетителей кофеен) – он предпочитал приходить туда один, хотя его постоянный партнер по развлечениям Джон Крид также был завсегдатаем этих мест (что и делало его общество интересным для Пипса, несмотря на неприязнь).

По сути дела, изменившиеся отношения индивида и общества, о которых столь часто вспоминают, говоря о формировании публичной сферы (в том числе и о кофейнях), изменили и представления о частном общении. Поведение Пипса говорит о том, что для него была важна эта выключенность из обязанностей поддержания социально значимых отношений, возможность общаться лишь в силу наличия частного интереса к самому предмету беседы – общих частных интересов, связанных с «досугом». Вполне вероятно, что появление таких пространств в городе, дающих возможность общения «по интересам» будет способствовать формированию нового идеала дружбы, который найдет свое наивысшее выражение в романтическом каноне родства душ. Современник Пипса Джон Обри отмечал «современное превосходство кофеен в этом большом городе, до появления которых люди не знали, как можно познакомиться за пределами их собственного круга или сообщества»⁴⁶. Причем Пипс пользовался этой возможностью очень скромно, по сравнению с самим Обри, который, по

⁴⁵ Cowan B. Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses // History Compass. 2007. V. 5. No. 4. P. 1184–1185.

⁴⁶ Aubrey J. Brief lives: a Modern English version. Woodbridge: The Boydell Press, 1998. P. 6.

свидетельству исследователей, в период между 1672 и 1680 гг. посещал около 60 различных кофеен⁴⁷.

Для Пипса и Обри кофейни, как и ученые сообщества, – это не пространство дружеского общения, но место, где можно завязать новые знакомства, которые потом будут поддерживаться за пределами этого пространства. С другой стороны, «друзьями» Пипс называл преимущественно именно тех своих коллег и соседей, с которыми помимо дел его объединяли именно общие интересы. Для него оказываются равно важны возможность оказать реальную жизненную помощь и душевная близость. И пространство города давало способы удовлетворять эти интересы.

Еще одним крайне значимым публичным пространством в жизни Пипса был театр. Наряду с музыкой и наукой, он был одним из самых больших его увлечений. Бывали периоды, когда он посещал театр ежедневно, а то и по два раза на дню, и даже пытался бороться с этим увлечением, равно как и с пристрастием к выпивке⁴⁸. Но, в отличие от таверн, куда он заходил с тем из приятных и полезных людей, кто подвернулся под руку, или кофеен, куда он отправлялся один, в театр Пипс ходил преимущественно с теми, кто разделял его страсть:

Этим утром зашел мой кузен Томас Пипс, желая одолжить у меня денег, что я не мог сделать, покуда его отец не написал Пигоуту свое согласие на продажу земель. Мы тотчас ушли, и я ненадолго на Биржу и домой обедать, а затем по воде в Королевский театр. И высадившись, встретился с капитаном Феррерсом и его другом, маленьким человечком, который часто с ним бывает, и он отправился с нами, покуда мы смотрели «Любовь в лабиринте» (10.06.1663)⁴⁹.

Чаще всего он был в театре с женой, капитаном Феррерсом или Кридом, точно так же, как и в остальных случаях – отправляясь туда посреди дня, в перерыве между делами.

САДЫ И ПАРКИ

Равным образом Пипс с большим удовольствием использует активно развивающееся в XVII столетии городское пространство для прогулок. Таковыми были, прежде всего, парки, главным образом королевские, а также некоторые обширные помещения и внутренние дворы. Даже прогулки по городу могли доставить удовольствие. Но поскольку пространство городских улиц еще не было приспособлено для комфортного передвижения пешеходов, такие прогулки были редкими и недолгими. Как правило, Пипс со спутниками пользовались

⁴⁷ Powell A. John Aubrey and His Friends. London: Hogarth press, 1988. P. 183.

⁴⁸ См. об этом: *Стогова А.В.* Сэмюэль Пипс и торжественные обеты // ШАГИ / STEPS. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 97–114.

⁴⁹ Pepys S. The Diary. Vol. IV. P. 179.

хорошей погодой для того, чтобы дойти до места назначения пешком, а не в экипаже. Прогулкой он называл любой более или менее длительный пеший променад, вовсе не обязательно в открытом пространстве. Причем, как и в случае с тавернами, эти прогулки были тесным образом связаны с исполнением его служебных обязанностей и проходили в тех местах, где Пипс бывал по служебным надобностям, и с теми людьми, которых он там встречал. И эти беседы-прогулки также были беседами и о делах, и о личном, и о чем угодно. Одним из таких мест, где Пипс часто прогуливался, был Вестминстер-холл (сейчас это старейшая сохранившаяся часть старого дворца). Время от времени этот огромный зал использовался для судебных заседаний, а в обычные дни был заполнен лавками книготорговцев. Там нередко можно было встретить интересного собеседника или побеседовать с книготорговцами. В силу этого, пространство Вестминстер-холла было местом, где можно было узнать последние новости и сплетни⁵⁰. Нередко бывая в Вестминстере по «делам», Пипс прогуливался, делая несколько кругов по этому залу, и вел беседы:

И отсюда в Вестминстер-холл слушать наше дело, но оно еще не рассматривалось сегодня, так что спустился вниз и там прогуливался в Холле и встретил Нэда Пиккеринга, который рассказал мне новости о его племяннике Гилберте, оказавшемся большим жуликом, затем я взял в оборот м[истер] Ивлина с которым прогуливался два часа, почти до часу дня... (26.04.1667)⁵¹

Другим пространством для прогулок, в котором по служебным делам часто оказывался Пипс, был Сент-Джеймский и, несколько реже, – Гайд-парк. Парки рассматривались именно как пространство, где можно осуществлять прогулки. Большая часть пространства парков представляла собой газон – для прогулок в сухую погоду, для сырой погоды предназначались вымощенные дорожки и, наконец, для жаркого солнечного дня – тенистые аллеи. В Сент-Джеймском парке по повелению королевы Генриетты-Марии также был вырыт большой канал с островом посередине, на котором развели экзотических водоплавающих птиц. Карл II сделал парк открытым для публики. Гайд-парк стал публичным еще раньше, при Якове I, – за определенную плату туда стали пускать благородную публику, а Карл I сделал его доступным для всех пристойно одетых горожан. Но поскольку тогда парк находился на некотором удалении от Лондона и туда, как правило, приезжали в экипажах, посещала его достаточно обеспеченная публика.

Для Пипса Сент-Джеймский парк – это пространство, прилегающее к дворцу, куда его то и дело призывают дела. Он неизменно пользуется этим, чтобы

⁵⁰ *Loveman K. Samuel Pepys and his books: Reading, Newsgathering and Sociability. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 94.*

⁵¹ *Pepys S. The Diary. Vol. VIII. P. 181.*

прогуляться по пути туда или обратно, или же в ожидании нужного лица. Но также нередко он забегает в парк по дороге из Лондона в Вестминстер или обратно именно для того, чтобы прогуляться. Нередко он делает это в одиночестве – поразмышлять и «подышать свежим воздухом». Прогуливается он и в компании одного-двух спутников, причем компания этих людей почти не варьируется. Если не считать короля, герцога Йоркского, Монтегю и прочих высокопоставленных лиц, чаще всего Пипс прогуливается в парке с Джоном Кридом, Филиппом Уориком, Джорджем Картретом (казначеем флота и потому начальником Пипса, который именует Картрета в числе своих друзей) и Уильямом Ковентри (секретарем герцога Йоркского, также другом Пипса). Имя Джона Крида упоминается в связи с прогулками в парке чаще всего:

Затем с Кридом купили лобстера и отправились в пивную, где служанкой работает веселая самоуверенная девушка, а если быть сдержанным, то и очень обходительная с покупателями, которые туда заглядывают. Там мы его съели и затем отправились в парк хорошенько прогуляться (22.06.1663)⁵².

Причем, в обществе Крида Пипс любит посещать и другие парки, но Гайд-парк, по причине его удаленности, Пипс посещает гораздо реже.

Выбор компании интересен в отношении обоих парков. В районе Вестминстера, где расположен Сент-Джеймский парк, находятся Уайт-холл, Казначейство и многие другие государственные учреждения, куда Пипс нередко отправляется и с «обоими сэрами Уильямами» и со многими другими людьми, с которыми, однако, никогда или же крайне редко заходит погулять в парк.

Вид Сент-Джеймского парка со стороны Букингемского дворца.
Гравюра, 1736 г. (Британский музей)

⁵² Pepys S. The Diary. Vol. IV. P. 192.

Также Пипс крайне редко брал на прогулки в Сент-Джеймс свою жену. Если они выбирались в эти края вместе, то Пипс, как правило, завозил жену к знакомым, прежде чем отправиться на прогулку. Зато в Гайд-парк он ездил преимущественно с женой или в компании родных:

Я домой и, немедленно переодевшись, с женой отправился коляской к милорду Сэндвичскому, но поскольку они обедали, мы не стали выходить, а пошли к м[иссис] Тернер. Там перекусили, и, прочитав часть хорошей пьесы, м[иссис] Те[офилия], моя жена и я в их коляске отправились в Гайд-парк, полный кавалеров. Там было приятно, хотя и шумно (22.04.1664)⁵³.

В 1668–69 гг., в теплое время года, Пипс начинает выбираться в Гайд-парк один-два раза в месяц, неизменно в компании жены. Вообще, отправляясь в парк не потому, что он сейчас находится где-то рядом, а намеренно собираясь туда из дома, Пипс, как правило, совершает такую прогулку в компании жены и родных, к которым может присоединиться кто-то из его друзей. На такие запланированные прогулки он не ездил просто с друзьями, даже с таким большим любителем «подышать воздухом» и специалистом по разведению садов, как Джон Ивлин.

Было в пригородах Лондона и немало частных публичных парков. Один из них пользовался особым вниманием Пипса, несмотря на то, что лежал в отдалении от его повседневных маршрутов и никакие дела не могли его призвать в этом направлении. Это Вокс-холл или Нью-Спринг-гарден – первый из появившихся публичных «садов удовольствий», расположенный на южном берегу Темзы.

Вид от входа в сады Вокс-холл на большой променаде и оркестру с играющими музыкантами. Гравюра ок. 1743 г. (Британский музей)

⁵³ Pepys S. The Diary. Vol. V. P. 130.

Нью-Спринг-гарден открылся в 1661 году. Пипс приводит его сравнение со «старым» Олд-Спринг-гарден⁵⁴ – также публичным парком, который располагался на прилегавшей территории до конца 1660-х гг. В 1660-е гг. в Лондоне было уже довольно много публичных пространств, где можно было прогуляться, но Нью-Спринг-гарден предлагал гораздо больше возможностей для отдыха, это был своего рода предшественник парков развлечений:

Затем домой и со своей женой, двумя служанками и мальчиком взял лодку в Фоксхолл (sic!), где я уже давно не был. В Олд-Спринг-гарден, и там долго гуляли, и девицы стали розоветь. Тогда мы остановились, видя, что мы можем поесть только за изрядную плату и отстояв долгое время. Мы вновь вышли, но никто так и не обратил на нас внимания; мы могли бы поесть, только если бы принесли с собой хоть что-нибудь. Тогда отправились в Нью-Спринг-гарден, где я еще никогда не был, и который много больше предыдущего. Здесь мы также прогулялись, и мальчик пролез через живую изгородь и принес множество роз. И после долгой прогулки прошли за ограду, как и в предыдущем месте. И там зашли в другой дом, который был самым обыкновенным, и там получили пироги и соленую говядину, и эль; и тогда очень довольные – домой по воде (29.05.1662)⁵⁵.

Новый сад отличался тем, что там можно было наслаждаться пением птиц, цветами, ягодами и фруктами, срывая их прямо с деревьев, а также всевозможными лакомствами, которые подавали в доме управителя. В «саду удовольствий» можно было также послушать музыку или устроить пикник, играть в шары или другие игры на свежем воздухе⁵⁶. Желая отдохнуть и развеяться в течение дня, Пипс порой навещался сюда, опять же в компании Крида. Однако гораздо чаще он приезжал сюда в компании женщин – жены, любовницы или целой компании дам. «Удовольствия» явно были рассчитаны на женское общество, а не на уединение или серьезную беседу мужчин. Причем, по всей видимости, это пространство позволяло весьма вольное поведение:

...Я взял Мерсер (компаньонка Элизабет Пипс – А.С.) и по воде в Спринг-гарден. И там мы с большим удовольствием прогуливались, и ели, и пили, и пели, так что люди подходили послушать нас, а двое детей одного из наших соседей, оказавшиеся там, пришли к нам под дерево и принялись мило отплясывать (11.05. 1668)⁵⁷.

Участие жены в разного рода увеселениях в пространстве города позволяет отметить интересную закономерность: когда речь у Пипса идет о «досуге» в

⁵⁴ Исследователи также отмечают, что еще один сад с названием Спринг-гарден располагался между Чаринг-Кросс и Сент-Джеймским парком. См.: *Bucholz R.O., Ward J.P.* London: A Social and Cultural History, 1550–1750. P. 202.

⁵⁵ *Pepys S.* The Diary. Vol. III. P. 94–95.

⁵⁶ *Dowling S.J.* The English Pleasure Garden, 1660–1860. Oxford: Shire publications, 2011. P. 13.

⁵⁷ *Pepys S.* The Diary. Vol. IX. P. 196.

чистом виде – не отдыхе в промежутках между делами и перебежками по городу, а о запланированных «выездах» на природу или в театр, званых обедах – он всегда оказывается связан с семьей – женой, прислугой и, порой, прочими родственниками. К этой компании могли присоединиться один-два друга. И в этом смысле нельзя не вспомнить, что слово *friends* обозначало и друзей, и родственников. И номинально эти последние имели приоритет в отношении «свободного времени» Пипса, но на практике, в промежутках между делами и в самом процессе делания этих дел, Пипс уделял гораздо больше времени общению со своими знакомыми.

В целом можно сделать вывод о том что, несмотря на размытость границ между «рабочим временем» и «досугом», дружескими, профессиональными и родственными кругами общения, множественность пространств, которые можно было использовать для частного общения, позволяла Пипсу варьировать свои стратегии поведения для удовлетворения самых разнообразных интересов. Дробность и вариативность кругов общения, которую позволяли эти условия, способствовала возможности уходить от нормативности, акцентировать тот или иной вид удовольствия, получаемого от общения. Все это способствовало формированию представления о досуге как о времени, предназначенном для частных удовольствий, задолго до того, как его стало возможным отделять от рабочего времени.

In recent decades, which followed the spatial turn in the humanities, the research of urban environment has been attracting more and more attention. A large number of works focused on certain cities in a certain period or on a certain element of urban space have been published. Quite reasonably, the published research pays special attention to the city viewed as a public space. But to what extent can we consider an early modern city as the space for private communication? As researchers point out, various kinds of public space such as taverns, pubs, clubs, coffeehouses or parks, flourishing in seventeenth-century London, began to serve the purpose of securing and maintaining various social relations while at the turn of the century this function was performed by various social institutions such as the parish, the court, the guild, etc.¹ In this respect sociability was becoming less institutionalized.

¹ R.O. Bucholz and J.P. Ward, *London: A Social and Cultural History, 1550–1750* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012), 203.

Obviously, the everyday experience of city life was determined by the social status of a city dweller in the first place, beginning with the place of residence and ending with the urban practices which were available and complied with the concepts of permissible and befitting conduct. Having quite distinct characteristics and offering opportunities for communication to the residents of different social status, urban space was not just the scenery for daily life but the structure which this daily life was determined by. From this point of view studying everyday practices of companionship in seventeenth-century London is of great interest because during the Modern Period space in large cities was changing rapidly, thus inevitably changing the everyday life of their residents. Suffice it to say that after the Great Fire of London in 1666 which devoured the central part of the city it was planned not only to rebuild it but to implement the state-of-the-art ideas of what urban space should be like.

However, what is of interest in the history of everyday life, at least, as it is interpreted by Alf Lüdtké² and Michel de Certeau,³ is not only the study of the frames imposed on people, but also the tactics (as de Certeau put it) chosen by an individual, the way he structures his everyday life taking into accounts all culture-conditioned opportunities and constraints and filling his actions with various meanings. In this respect it appears important to study the options of spending time together that different individuals chose and the motivations of their choice. Of no lesser importance are the practices of pastime and the reasons why certain practices may or may not be considered friendly, neighbourly or business, which of them are connected with the leisure time and how leisure can be defined. What is more, in the first place, the difficulty is connected with spatial and temporal factors of everyday sociability.

So far as a relationship involves some joint activities and personal contact it should unfold in certain space. A unique opportunity for studying spatial aspect of everyday sociability practices is offered by the best known English diary of the 17th century written by Samuel Pepys. Being rich in various details of everyday culture, the diary is the primary information source for the present research.

Pepys was a younger child to the youngest branch of the family and gained nothing from the land and other property which came down to his great granduncle. He was a son of a tailor and a laundress but he had an influential relative and patron, Sir Edward Mountagu, whose patronage helped Pepys launch a successful career. During his life Pepys changed place of residence many times. He was born in Salisbury Court, not far from Fleet Street and the boundaries of the City of London. He wrote his first diary entries in the house in Axe Yard in the aristocratic western part of Lon-

² A. Lüdtké, *Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen* (Frankfurt; NY: Campus, 1989); A. Lüdtké, *The history of everyday life: reconstructing historical experiences and ways of life* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995).

³ M. de Certeau, *The Practice of Everyday Life*; translated by St. Rendall (Berkeley: University of California Press, 1984).

don. That same year, due to his patron's success, Pepys's career took off and he became Clerk of the Acts of the Navy Board. But in a paradoxical way this raise in status furthered his removal to the eastern part of London. However, despite the fact that Pepys was far from the court and aristocracy, his new accommodation was located in the prestigious merchant part of the City. The Navy Office Buildings where he resided during all the years while he kept his diary were located on Seething Lane, in close proximity to Tower Hill. It was a large construction which housed the Navy Office itself and the accommodation for its primary officials. The building had a spacious courtyard and earlier belonged to rich merchants. However, just behind the medieval city wall there was the East End, the poor marshy suburb of London, which Pepys, and his wife all the more, considered impossible to visit.

One way or another, Pepys kept in contact with a large number of people.⁴ First of all, they were somehow associated with his official duties but those who he called friends can be easily singled out from his everyday circle of contacts. They were the people he took some interest in, enjoyed spending time with, and, most importantly, whose goodwill towards him he could rely on. But that by no means implied that the practices of socializing with those people would be considerably different from the strategies of building business or any other relationship. The primary reason for that is the fact that the time spent on leisure was not particularly specified. The diary of Samuel Pepys by no means confirms the statement that the early modern city allowed to define leisure as specific time of day for private life, entertainment, socializing with friends, et al. An ordinary day of Pepys's life, even a Sunday, was an invariable blending of business and pleasure. A synopsis of activities listed in the description of one day, 2 May 1664, which differed very little from the rest, can serve as an example:

He stayed in bed late and went to St. James's Palace to attend the Duke of York with his colleague Sir W. Batten and Comptroller of the Navy Sir J. Minnes. Having done their work, they took a walk in Westminster Hall, talking of business. After that Pepys went to the Royal Exchange on business. He dined at home and visited his patron Sir Edward Mountagu. Then he met with his friend Captain Ferrers, his wife and a friend of hers to take a walk in St James's Park and to go to the theatre. After a ride in the park he took the ladies home and went to his office where he stayed till supper.⁵

The point here is that communication practices were singled out neither in time nor in space. Dinners or visits in the space of a private home as well as entertainment in public space (musical evenings, walks in the park, going to the theatre, get-togethers in taverns) were not associated with private communication. They were the

⁴ "Encyclopedia" of Samuel Pepys contains more than 2 700 names.

⁵ S. Pepys, *The Diary of Samuel Pepys. Vol. 1–11* (Berkeley, LA: Harper Collins and University of California Press, 2000), vol. 5, 138–39.

forms of maintaining any relationship significant for an individual. By way of example we can mention Pepys's relationship with his principal rival for Mountagu's favour, his other assistant and protégé John Creed. Pepys mentioned Creed's "ill nature" (14 June 1666)⁶ and said more than once that hated him (22 June 1668)⁷ but constantly kept in touch with him seeing him at home or at a pub, going for a walk or to the theatre together nearly every day and not without pleasure. But for the less than tepid attitude that Pepys mentioned, their communication practices would have resembled friendship. Pepys called this intercourse leisure but did not make any connections between leisure and friendship and never called Creed a friend:

Met with Creed, and walked with him a turn or two in the park, but without much content, having now designs of getting money in my head, which allows me not the leisure I used to have with him. Besides an odde story lately told of him for a great truth, of his endeavouring to lie with a woman at Oxford, and her crying out saved her; and this being publicly known, doth a little make me hate him. (18.02.1666)⁸

Thus, for Pepys, company for leisure was not equivalent to the company of friends, so the practices of spending leisure time were not specifically friendly. At the same time, urban space offered quite a number of opportunities for socializing, which made it possible to work out different strategies for socializing with different people and Pepys's detailed descriptions allow us to retrace the way how he used those opportunities.

The development of urban environment in the 17th century led to the fact that the previous sociability strategies came into conflict with one another. Karl E. Westhauser noted Pepys's reluctance to use family dinners for keeping the necessary contacts.⁹ Westhauser drew a comparison between sociability strategies of Pepys and his elder contemporary Adam Eyre. Westhauser focused his attention on all the relationships which could somehow promote social prestige (the relationships with neighbours, friends, colleagues, etc. which could be referred to as friendship) and how maintaining these relationships correlated with family life. Proceeding from the assertion that the Modern period was characterized by gradual blurring of the above-mentioned relationships and, on the contrary, by the increasing importance of family, Westhauser said that once mutually complementary, the strategies of maintaining relationships in public and in private were experiencing a crisis. He pointed out that Pepys's appointment to the Navy Office involved not only promotion in his status but also certain problems in building relationships. His new colleagues and neighbours Sir William Batten and Sir William Penn, who had already won wealth and honor in roy-

⁶ Pepys, *The Diary*, vol. 7, 167.

⁷ Pepys, *The Diary*, vol. 9, 248.

⁸ Pepys, *The Diary*, vol. 7, 46.

⁹ K.E. Westhauser, "Friendship and Family in Early Modern England: The Sociability of Adam Eyre and Samuel Pepys," *Journal of Social History*, vol. 27, no. 3 (1994): 517–36.

al service, although rather affable, preferred to consider Pepys as a subordinate, which began to alarm him in 1661. Westhauser links this to the fact that in the winter of 1661–1662 Pepys limited his social circle and even more notably reduced the significance of the public house¹⁰ as a context for his sociability with the view of cutting his expenses, focusing on work and increasing his social prestige.

According to Westhauser, however, the changes in Pepys's life didn't help to improve his family relationship. The scholar explains it by the fact that urban space gave women more access to sociability. Unlike Eyre who resided in rural Yorkshire, Pepys often went into town in the company of his wife. By withdrawing from his public sociability, Pepys deprived her of most pleasures. Saving money for the sake of a higher status in the future (to keep a coach) didn't give Elizabeth many possibilities to socialize. And she had no chance to enjoy the fruits of her husband's effort because of her early death.

However, Pepys did not opt for hospitality either. He was getting tired of paying visits and indulging those who considered themselves higher than him in rank as well as inviting them to his home to no effect. Pepys seemed to have established more or less equal relationship with reciprocated visits with Sir William Penn, but later their relationship grew worse. The office became the main venue for socializing and by that Pepys separated business from family more distinctly.

Westhauser concludes:

Friendship and marriage made competing demands on seventeenth-century English men. Married men balanced them in a variety of ways by manipulating their participation in different institutions of sociability.¹¹

Westhauser links both the revealed contradictions between different forms of sociability and Pepys's failure in using the strategies that worked well for Eyre with the demands set by the metropolis and by a different structure of the urban community. However, this statement can hardly be accepted as unconditionally correct since Eyre and Pepys found themselves in essentially different conditions (accounted for by greater social mobility inherent to the urban community). Eyre was building relationships in a stable community which recognized and accepted his long-standing social status. He didn't need to justify the claim for his social position. Pepys found himself in a completely different situation as both his social status and his circle of acquaintances changed dramatically. He sought equality with those whose circle he had joined but having been at their beck and call, he was treated as an upstart of indisputably lower status. In many respects, his failures resulted from the reluctance of his new colleagues to recognize the status he claimed. Eyre's behavior was aimed at maintaining his status while Pepys's objective was to win it.

¹⁰ Westhauser, *Friendship and Family in Early Modern England*, 524.

¹¹ Westhauser, *Friendship and Family in Early Modern England*, 530.

What is more, considering the relationship between Pepys and his patron Lord Mountagu and between Pepys and his new colleagues Sir William Batten and Sir William Penn, one can hardly draw a conclusion about friendly communication strategies. There is no doubt that all these relationships can be described in terms of friendship and there is no doubt either that Pepys claimed them to be such, but he was careful to avoid such definitions. He sought William Batten's respect but did not think highly of him:

At noon, being invited, I went with Sir G. [George Carteret] and Mr. Coventry to Sir W. Batten's to dinner, and there merry; and I very friendly to Sir Wm [William] and he to me, and complies much with me, but I know he envies me, and I do not value him. (29 Jul 1662)¹²

Similarly, Pepys mentions "the falseness of Sir W. Penn's friendship" (20 Feb 1667)¹³ more than once. It is not quite clear why Westhauser chose to focus on these two individuals, while even after finding himself in new circumstances, Pepys quite successfully developed relationships both with his old acquaintances which he considered necessary to keep up and with the new "friends" who he didn't have to compete directly. It would be more accurate to say that the city provided a wider and more diverse sociability context as well as the opportunity to use a greater number of various venues for communication and, accordingly, the opportunity to develop various strategies for communicating with different people surrounding an individual.

It is quite difficult to compare the positions of Pepys's and Eyre's wives either. Although Elizabeth Pepys complained of loneliness asking her husband for a companion, she led an active live not only in her husband's company. She frequently visited old friends on her own (Pepys sometimes gave her rides to Axe Yard) or they paid visits to her while Pepys was at work. She took walks that could be quite long, accompanied by female friends or companions, not to mention the fact that Pepys took her on visits, to the theatre, to the park, etc. In February 1665 he wrote that his wife hadn't been "out of doors"¹⁴ for several weeks and it was out of the ordinary (27 Feb 1665).

As a matter of fact, one cannot but agree with Westhauser that the multiple opportunities of socializing which metropolitan London environment offered could cause conflict in marriage. Yet, even more interesting it is to examine the ways that city-dwellers used to adapt themselves to the new opportunities and what tactics (in terms of Michel de Certeau) they employed for exploring the urban space.

¹² Pepys, *The Diary*, vol. 3, 148–49.

¹³ Pepys, *The Diary*, vol. 8, 75.

¹⁴ Pepys, *The Diary*, vol. 6, 45.

HOME

Visits and dinners discussed by Westhauser were a common traditional practice of maintaining relationships of different kinds. Historical research of marriage and family relates such sociability trends with the idea of marriage as a relationship integrated into a greater complex of social relations. As Susan Amussen puts it,

the distinction between ‘family’ and ‘society’ was absent from early modern thought. The family defined the ideals of the gender system, as relations between husband and wife provided a model for all relations between women and men.¹⁵

Correspondingly, hospitality was as important for maintaining social relations as communication in public was.

However, it is hardly possible to say that Pepys viewed hospitality as the basic strategy for socializing. To a high degree, it is accounted for by the fact that various practices of keeping up acquaintances were incorporated into Pepys’s daily routine. Dinners in company (both at Pepys’s or someone else’s and at a public venue) illustrate it particularly well. Most of the dinners at Pepys’s weren’t ceremonial events planned in advance, the so-called dinner parties. Usually someone who had called on him in the afternoon stayed for a meal. In the 17th century the English had dinner early, which is why having done a part of his work at the office, Pepys had dinner with friends and then got down to business again:

At the office all the morning. At noon all of us dined at Captain Cockes at a good chine of beef, and other good meat, but, being all frost-bitten, was most of it unroast; but very merry, and a good dish of fowl we dressed ourselves. Mr. Eveling there, in very good humour. All the afternoon till night, pleasant, and then I took my leave of them and to the office, where I wrote my letters, and away home, my head full of business and some trouble for my letting my accounts go so far; but that I have made an oath this night for the drinking no wine, &c., on such penalties, till I have passed my accounts and cleared all. (21 Dec 1665)¹⁶

Due to specific character of his work, Pepys had to move around the city, where there were great many venues to spend time and enjoy a good meal, so coming back home only for dinner was not the most comfortable and economical pattern of behavior. The choice between dining at home or out was defined by where Pepys was and who accompanied him at the moment: “...with Sir J. Minnes and Mr. Coventry to St. James, and there dined with Mr. Coventry very finely...” (2 June 1664)¹⁷ As a rule,

¹⁵ S.D. Amussen, “Gender, Family and the Social Order, 1560–1725,” in *Order and Disorder in Early Modern England*, ed. A. Fletcher and J. Stevenson (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), 196.

¹⁶ Pepys, *The Diary*, vol. 6, 335–36.

¹⁷ Pepys, *The Diary*, vol. 5, 166.

Pepys dined at home if at dinner time he was at the office (which was in the same building)¹⁸ or somewhere nearby.

It is no surprise that no matter where such dinners took place, they often were an informal continuation of official duties. Suppers and playing cards were separated from the daily routine to a greater extent because they took place in the evening and therefore in the space of a private home:

...then to Mrs. Turners, where my wife and Deb [Deborah Willet, a maid employed by Pepys] and I and Batelier spent the night and supped and played at Cards, and very merry; and so I home to bed. (23 Jan 1668)¹⁹

But it cannot be seen as an established rule because quite often work kept Pepys busy till late at night and he had to have supper somewhere else. It is interesting to point out that the evening intercourse of such kind usually connected Pepys with the same circle of acquaintances. (Mrs. Elizabeth Turner was the wife of a clerk in the Navy Office and William Batelier was a merchant).

In general, it can be noted that Pepys's circle of contacts mostly included people somehow incorporated in the sphere of his official duties. Here belong the retinue of Lord Mountagu, officials Pepys contacted on the Naval Office's business, seafarers, predominantly shipmasters, merchants engaged in seaborne trade. Quite often, they continued to discuss business matters at dinner or at supper. Despite the fact that leisure was singled out neither in time nor in space, entries in the diary allow us to say that Pepys clearly differentiated the communication outside his working space such as his office, Whitehall, St James's Palace, etc. even if he described communication with the same people. He valued such pastime because it gave him pleasure which he hardly failed to emphasize:

Here came also Mr. How to dine with me. And we had a good dinner – and good merry discourse, with much pleasure, I enjoying myself mightily to have friends at my table. (6 Jan 1667)²⁰

This pleasure from communication directly correlated with who of his guests or the hosts he visited Pepys referred to as friends although he did not define the meaning he put into friendship. Pepys's text clearly identifies the circle of individuals he enjoyed spending time with.

It is obvious that Pepys's contacts were not homogeneous and different groups of his acquaintances hardly ever met. At least, when inviting guests, Pepys didn't intend

¹⁸ Another fact to be mentioned is that while Pepys kept the diary the distance between the office and home was next to minimum but he always clearly distinguished the two venues and indicated if he went home or to the office. Women were not allowed into the office space and Pepys often went to the office to avoid altercation with his wife.

¹⁹ Pepys, *The Diary*, vol. 9, 36.

²⁰ Pepys, *The Diary*, vol. 8, 5.

to merge them even if they could be united by some common interests. For example, singing was among Pepys's hobbies and there was a special company life and soul of which were Thomas Andrews and Thomas Hill who visited him at home in order to enjoy the hobby. They never met other acquaintances of Pepys's there despite being his business acquaintances as well. Thomas Andrews was a merchant dealing with Tangier and Thomas Hill was associated with the Navy Office but they were special companions for music and singing. ("In the evening comes Mr. Andrews and his wife and Mr. Hill, and staid and played and sung and supped – most excellent pretty company; so pleasant, ingenious, and harmless, I cannot desire better."²¹ (11 June 1665)) Pepys didn't intend to introduce Andrews and Hill to his other acquaintances in whose company he sometimes enjoyed his favourite hobby on visits, at home or in the gardens.

In the same way, Pepys met his old friends linking him to Lord Mountagu and to Axe Yard separately. Among them were the Hunts, the Pierces, Captain Ferrers and others. Old friends and neighbours were the only people Elizabeth Pepys could visit alone without her husband's company:

...about noon abroad with my wife, who was to dine with W. Hewer and Willet at Mrs. Pierce's; but I had no mind to be with them, for I do clearly find that my wife is troubled at my friendship with her (Deborah Willet – A.S.) and Knepp, and so dined with my Lord Crew, with whom was Mr. Browne, Clerk of the House of Lords, and Mr. John Crew. (1 Jan 1668)²²

Buy there is no doubt that she met with her husband's new acquaintances and tries to connect with their wives:

...and so home, where I found Mrs. Pen and Mrs. Rooth and Smith – who played at Cards with my wife, and I did give them a barrel of oysters and had a pullet to supper for them. (29 Jan 1662)²³

Certain isolation of Elizabeth Pepys from her husband's new acquaintances might be connected with his reluctance to use her for strengthening his new relations at work, which confirms Westhauser's key idea. That is why he seldom let his wife accompany him on visits to his new associates in order to avoid this:

Thence to dinner to Sir Wm. Pens (it being a solemn feast-day with him, his wedding day; and we have, besides a good chine of beef and other good cheer, eighteen mince-pies in a dish, the number of the years that he hath been married); where Sir W. Batten and his Lady

²¹ Pepys, *The Diary*, vol. 6, 125.

²² Pepys, *The Diary*, vol. 9, 1.

²³ Pepys, *The Diary*, vol. 3, 19.

and daughter was, and Colonel Treswell and Major Holmes, who I perceive would fain get to be free and friends with my wife; but I shall prevent it... (06 Jan 1662)²⁴

Supposedly, the diversity of venues for socializing London provided could indeed provoke various conflicts but made it possible to receive different acquaintances at home separating them at will without impairing relationships. Pepys seldom hosted dinner parties aimed at maintaining relationships with associates and neighbours but gave preference to spending time in different smaller companies where he felt more at ease. Except for his rival associates at the office, Pepys used this strategy quite successfully. While William Batten chose not to invite Elizabeth Pepys to his home, other acquaintances of Pepys, even those of higher rank, wanted her to join the party and sent a carriage for her:

At noon by invitation to my Lord Brouncker's, all of us, to dinner, where a good venison pasty and mighty merry. Here was Sir W Doyly, lately come from Ipswich about the sick and wounded – and Mr. Eveling and Captain Cocke. My wife also was sent for by my Lord Brouncker, by Cocke, and was here. (9 Sept 1665)²⁵

PUBLIC ESTABLISHMENTS

The possibility to combine different strategies of behavior and communication is even more relevant when it is the matter of public spaces of the early modern city, which were becoming more and more varied and numerous. The end of the Civil Wars and the removal of Puritan bans during the Restoration made city life more exciting and from time to time new venues kindled Pepys's interest. But it should be remembered that the choice of place of residence was not the only thing subordinated to the hierarchy of the urban space. A great number of social practices connected with communication were defined by status in the first place. Pepys had no access to balls and other entertainment at court including sports like tennis which he could only watch. On the other hand, he considered some kinds of outdoors activities such as cock fights or football disgraceful. Obviously, social relations necessitated certain activities. For example, Pepys was not keen on sports and games but in the spring of 1660 he started playing ninepins nearly every day. Apparently, it was a hobby of his patron who often played with Pepys or against him. Other games are mentioned in the text only a few times in the context of his acquaintances rather than his interest to the games themselves. However, neglecting such forms of socializing which would be impossible in the relationship of a patron and a client is quite acceptable in a relationship of persons of similar status because they are viewed as personal hobbies rather than practices uniting different communities. Heterogeneity of Pepys's acquaintances

²⁴ Pepys, *The Diary*, vol. 3, 4.

²⁵ Pepys, *The Diary*, vol. 6, 217.

as well as the diversity of practices and venues of communication allowed him to make his personal choice.

Speaking about the venues frequented by Pepys himself we should begin with various drinking establishments, alehouses and taverns mentioned above. Many researchers point out that public house sociability was associated with “young men”²⁶ and “clubbing.” The public house was a place where ambitious young men just starting their careers could treat or pay for their companions to cultivate connections. That is why, according to Westhauser, public house sociability was not appropriate for a person who claimed to have achieved certain success.²⁷ He argues that concern about status (correlated with financial standing) made Pepys and Eyre reduce their public house sociability to infrequent occasions.

On the other hand, young men were not the only clientele of pubs and taverns. Research shows that “many Londoners frequented alehouses, taverns and coffee-houses, to enjoy company and relax, drink, smoke, exchange news and gossip.”²⁸ Foreigners found this habit striking and considered it as evidence of the British laziness. Samuel Sorbière, who was a Frenchman, after his visit to England in 1663 wrote:

It's common enough for them to after Meals to Smoke Tobacco, in the interim of which they converse a long time and freely: People of Quality do not use it so much as others; and there is scarce a Day passes but a Tradesman goes to the Alehouse or Tavern to smoke with some of his Friends, and therefore Publick Houses are numerous here, and Business goes on but slowly in the Shops.²⁹

Mark Hailwood who studied various evidence regarding London alehouses concluded that contemporaries saw some positive role for sites of recreational drinking, and recognized the importance of communal centres of sociability to the personal and social lives of their customers.³⁰ Sharing a pot of ale could be considered as a means to seal a business deal or to resolve a neighbourly conflict.³¹ In his classic study of the English alehouse Peter Clark emphasized its role in social life of different communities as the venue for sociability where business could be negotiated, deals could be made, news circulated and social rituals were formed.³²

²⁶ See, e.g., A. Shepard, *Meaning of Manhood in Early Modern England* (Oxford: Oxford University Press, 2006), 103.

²⁷ Westhauser, *Friendship and Family in Early Modern England*, 525.

²⁸ S. Porter, *Pepys's London* (Stroud: Amberley, 2011), 62.

²⁹ S. Sorbière, *Relation d'un voyage en Angleterre* (Paris: L. Billaine, 1664), 149–50.

³⁰ M. Hailwood, *Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England* (Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014), 56.

³¹ Hailwood, *Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England*, 114.

³² P. Clark, *The English Alehouse: A Social History, 1200–1830* (L.; NY: Longman, 1983), 2.

In 1665–1668, which were the years Westhauser did not take into consideration, Pepys resumed his visits to taverns and alehouses. It can be accounted by the fact that these public establishments offered a great number of opportunities for socializing which Pepys resorted to in 1660–1662. This is the time when he needed to gain foothold among his new companions and to keep the necessary contacts with the old ones. One of the ways Pepys chose to achieve this was merry-making with numerous companions in the establishments located in close proximity to the Treasury and to his first home and, accordingly, to the Navy Office and to his second home:

Left my wife at Mrs. Hunts and I to my Lord's. And from thence with Judge-Advocate Fowler, Mr. Creed and Mr. Sheply to the Rhenish Wine-house, and Captain Hayward of the *Plymouth*, who is now ordered to carry my Lord Winchelsea Ambassador to Constanti-nople. We were very merry, and Judge-Advocate did give Captain Hayward his Oath of Allegiance and Supremacy. (9 Aug 1660)³³

Later on, such pastime wound down but Pepys remained a habitu  of public establishments. There was a number of purlieus, but in most cases Pepys's choice was random. The diary mentions 148 establishments and only 17 of them are mentioned more than ten times. On average, during the diary years Pepys visited other establishments from two to four times. Seldom were they alehouses, which were considered to be the establishments of lower sort. In most cases, he preferred taverns which were the venues of higher status for city elite sociability.³⁴

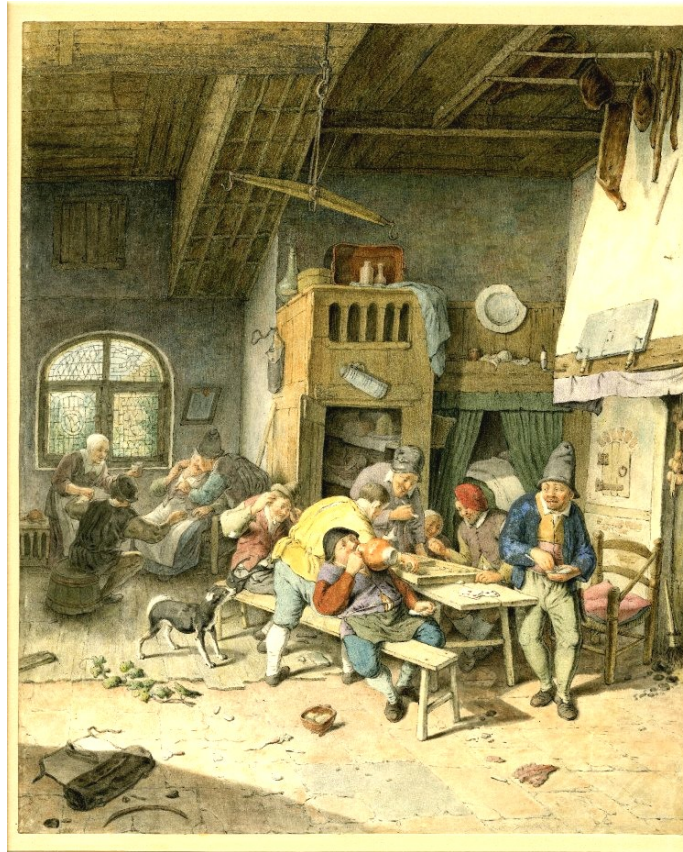
Of the 17 establishments, with large company Pepys frequented only five. Four of them (Bull Head, Rhenish Winehouse, the Sun, and the Leg) were located in the area of Whitehall and only the Dolphin was not far from the Tower and from Pepys's new home. At first, he behaved in his usual way with his new companions among which were not only "Sir Williams both" with whom he was not on particularly good terms because of the rivalry, but also ship masters and associates from the Navy Office in the vicinity of which the Dolphin was located:

Thence home, and found Sir Wms. [Williams] both, and much more company, gone to the Dolphin to drink the 30 s. that we got the other day of Sir W. Pen about his tankard. Here was Sir R. Slingsby, Holmes, Captain. Allen, Mr. Turner, his wife and daughter – my Lady Batten, and Mrs. Martha &c. and an excellent company of fiddlers; so we exceeding merry, till late. And then we begun to tell Sir W. Penn the business; but he hath been drinking to-day and so is almost gone that we could not make him understand it, which caused us more sport. (9 Sept. 1661)³⁵

³³ Pepys, *The Diary*, vol. 1, 217.

³⁴ M. O'Calligan, "Tavern Societies, the Inn of Court, and the Culture of Conviviality in Early Seventeenth-Century London," in *A Pleasing Sinne: Drink and Conviviality in Seventeenth-Century England*, ed. A. Smith (Cambridge: D.S. Brewer, 2004), 38.

³⁵ Pepys, *The Diary*, vol. 2, 175.

Cornelis Dusart. Scene in a Tavern.
Drawing, ca. 1675–1704. (The British Museum)

But convivial large gatherings with the old acquaintances became less frequent in 1661 and the same happened with respect to the new acquaintances of Pepys's in 1663. Firstly, it was indeed quite wasteful, and secondly, the intention to maintain old connections had been clearly stated and the foundation for developing new relationships had been laid. Later on, Pepys tended to communicate with his acquaintances one at a time but not all together. We cannot say that Pepys stopped spending time drinking in company, all the more so, since what taverns could offer was not only food and drink but also a game of cards, which was the hobby Pepys and his wife shared.

Nevertheless, except for the five above-mentioned venues, Pepys visited such establishments in the company of one or two persons (which, of course, didn't mean that he could not find more company there.) Such meetings were not prearranged. Pepys would encounter his acquaintances at the Treasury, the Royal Exchange, St James's Palace, just in the street or in a tavern itself:

Thence with Mr. Creede to the King's-head ordinary, where we dined well; and after dinner Sir Tho. [Thomas] Willis and another stranger and Creede and I fell a-talking – they of the errors and corruptions of the Navy and great expense thereof, not knowing who I was

– which at last I did undertake to confute and disabuse them; and they took it very well and I hope it was to good purpose, they being Parliament-men. (8 Feb 1663)³⁶

That was where the taverns he frequented were located. Quite often, while moving about the city and coming upon different acquaintances of his, he could make brief visits to pubs or taverns three or four times a day. And usually he met with the same people at the same taverns where it was likely to find them. As it was mentioned above, it is difficult to differentiate Pepys's friendly companionship and business contacts, only the prearranged rendezvous might have been motivated by business matters. Such day-to-day meetings (longer or shorter, depending on whether it was just a glass of ale or dinner which sometimes Pepys was not able to have at home, having to move around the city too fast or too far) usually combined business negotiation and heart-to-heart talk. Even when Pepys went for dinner on his own, he usually noted if he had found good company:

... so I to the Pope's-head tavern, and there find Mr. Gawden and Captain Beckeford and Nich Osborne going to dinner and I dined with them, and very exceeding merry we were, as I had been a great while... (14 Dec 1665)³⁷

The public establishments offered another opportunity which Pepys appreciated after numerous altercations with his wife caused by his close attention to women, to housemaids in particular. It was the opportunity to rent a room for amorous adventures.³⁸ In the last years of keeping the diary Pepys was a habitu  of certain taverns because of the not too prudish maidservants or brought there his paramours.

Basically, the multiplicity of strategies for socializing with different people, which the establishments such as taverns and alehouses offered, made them a part of Pepys's everyday experience. The days when he didn't visit a public establishment were rare. And, naturally, of great significance was the social role of food and drink, particularly, of alcoholic beverages which facilitated free and easy communication.

It is noteworthy that initially Pepys tried to take advantage of the space of the coffeehouses that appeared in London in 1650s. Pepys mentioned only seven of them in the diary, but the fact is that coffeehouses were much less numerous than drinking establishments. Quite much has been written about social and cultural significance of coffee and about the role it played in the transformations of social life.³⁹ The peculiar

³⁶ Pepys, *The Diary*, vol. 4, 37.

³⁷ Pepys, *The Diary*, vol. 6, 329.

³⁸ B. K min, *Drinking Matters. Public Houses and Social Exchange in Early Modern Central Europe* (NY: Palgrave Macmillan, 2007), 132.

³⁹ See, e.g., A. Ellis, *The Penny Universities. A History of the Coffee Houses* (L.: Secker&Warburg, 1956); B. Cowan, *The Social Life of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse* (New Haven: Yale University Press, 2005); M. Ellis, *The Coffee House: A Cultural History* (L.: Hachette UK, 2011). L. Aliab'eva describes the influence of coffeehouses on readership, see

feature of coffeehouses was that they didn't serve alcoholic beverages but, along with coffee, one could enjoy such exotic commodities as tea, chocolate and tobacco. Historians believe that the absence of alcohol encouraged more serious conversation. Brian Cowan describes the coffeehouse as a place where people gathered together to learn about the news of the day and discuss matters of mutual concern.⁴⁰ The discussion in coffeehouses revolved around most various subjects from politics (e.g. the famous Rota Club, a republican group, whose meeting place was Miles's coffeehouse in Westminster) to Egyptian antiquities or insects. Coffee was quite cheap, so among coffeehouse clientele were people from all levels of society.⁴¹ In the 1660s coffeehouses became somewhat specialized in the way which made them similar to clubs. Lloyd's coffeehouse was frequented by sailors and merchants engaged in foreign trade, (and it is known to be the beginning of Lloyd's of London), Will's coffeehouse near Covent Garden was a favourite meeting place for men of letters. The heart and soul of the company there was the poet and playwright John Dryden whom Pepys knew at Cambridge. Despite its recognized role in the formation of the public sphere, the coffeehouse could also be a private place to relax or to engage in personal conversation with friends and neighbours. Like taverns, coffeehouses were venues for private local communities. According to B. Cowan, the public and the private functions of the coffeehouse were not in opposition to one another.⁴²

Initially, Pepys tried to use coffeehouses in the same way as he used other drinking establishments when he came there with one or two companions – as a space for communication with friends, acquaintances and colleagues, a place for conversation and playing cards:

Thence to White-hall and there met Mr. Moore and fell a-talking about my Lord's folly at Chelsey, and it was our discourse by water to London and to the great Coffee-house against the Exchange, where we sat a good while talking; and I find that my Lord is wholly given up to this wench, who it seems hath been reputed a common Strumpett. (19 Aug 1663)⁴³

L. Aliab'eva, *Man of Letters profession in 16th–19th century England* [in Russian] (Moscow: NLO, 2004), 119–32.

⁴⁰ Cowan, *The Social Life of Coffee*, 79.

⁴¹ There was a long discussion among scholars on whether women were permitted into coffeehouses. The cause for discussion was the *Women's Petition Against Coffee* of 1674. Apparently, one should agree with B. Cowan that there was no formal ban but in practice the specific nature of the coffeehouse and of the conversation held there prevented women from taking part in it. In any case, Pepys took his wife and her companion to a coffeehouse once (30 March 1668).

⁴² B. Cowan, "Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses," *History Compass*, vol. 5, no. 4 (2007): 1183.

⁴³ Pepys, *The Diary*, vol. 4, 280–81.

Interior of a London coffeehouse. Anonymous drawing.
Ca. 1690–1700. (The British Museum)

That was the way Pepys socialized at Will's. Pointing out the community assembling around Dryden, Pepys himself went there with one or two companions just to drink coffee or to have dinner. He frequented Will's in 1660, particularly in the beginning of the year but after 1662 stopped going there at all. It might have been connected both with the change of his place of residence and with the fact that in the end of 1663 Pepys altered the strategy and started visiting coffeehouses on his own to listen to or to take part in interesting conversation, sometimes between people who hardly knew each other or total strangers. Supposedly, he didn't take much interest in literary talk and chose coffeehouses where he could find more learned company:

At noon to the Coffee-house, where excellent discourse with Sir W. Petty; who proposed it, as a thing that is truly questionable, whether there really be any difference between waking and dreaming – that it is hard not only to tell how we know when we do a thing really or in a dream, but also to know what the difference between one and the other. (2 Apr 1664)⁴⁴

In other words, in the space of the coffeehouse Pepys started to implement a completely different sociability strategy based on the community of interest and the absence of necessity to maintain relations. He didn't become a habitué of a particular coffeehouse but visited several of them, thus making the community for communication as open and changeable as possible which made it possible to produce the effect of communication for the sake of communication, conversation for the sake of conversation. After visiting a tavern, Pepys often noted that there was no good company, but a visit to a coffeehouse was unsuccessful if there was no “excellent discourse.”

⁴⁴ Pepys, *The Diary*, vol. 5, 108.

Due to the exoticism of the commodity they sold and to it the tales of the foreign lands related to it, coffeehouses were closely associated with cultural curiosity. Oxford coffeehouses were famous for being the places frequented by the intellectual community of virtuosi. According to B. Cowan, it was the combination of mercantile business savvy and virtuoso enthusiasm for the new coffee commodity that allowed for the flourishing of the coffeehouse.⁴⁵ Therefore, it is no wonder that for coffeehouses Pepys chose the same strategy as for the other places where his inquisitiveness drew him: Gresham College and the Royal Society (despite all the differences, particularly in respect of the Royal Society which, unlike coffeehouse communities, was a closed community). Pepys preferred to go there alone though his constant partner in entertainment John Creed was a habitu  as well (which is why Pepys found his company interesting despite the dislike).

In essence, having undergone certain change, the relationship between an individual and society, which are so frequently mentioned in connection with the development of the public sphere (including the coffeehouse), changed the idea of personal communication. Pepys's behavior shows that he appreciated the possibility of not having to maintain socially important relationships and of engaging in conversation when there was personal interest to the subject of conversation, that is, common personal interest connected with leisure. Possibly, the emergence of the urban spaces that enabled sociability based on common personal interests facilitated the development of the new ideal of friendship, the highest representation of which was the romantic concept of the affinity of souls. Pepys's contemporary John Aubrey noted approvingly "the modern advantage of Coffee-houses in this great Citie, before which men knew not how to be acquainted, but with their own Relations or Societies."⁴⁶ But Pepys was quite modest in taking the advantage of coffeehouses if compared to Aubrey who frequented about 60 coffeehouses between 1672 and 1680.⁴⁷

Both for Pepys and for Aubrey coffeehouses as well as learned communities were not just the space for friendly communication but also a venue to make new acquaintances that would be kept up beyond that space. On the other hand, the people he called friends were those associates and neighbours who, in addition to business, shared his personal interests. For him the chance to give real help and emotional bonds were of equal importance. The space of the metropolis made it possible to satisfy those interests.

The playhouse was another type of public space of utmost significance for Pepys. In addition to music and science, the theatre was one of his passions. There were times when he went to the theatre daily or sometimes two or three times a day. He

⁴⁵ Cowan, "Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses," 1184–85.

⁴⁶ J. Aubrey, *Brief lives: a Modern English version* (Woodbridge: The Boydell Press, 1998), 6.

⁴⁷ A. Powell, *John Aubrey and His Friends* (L.: Hogarth Press, 1988), 183.

even tried to fight his passion for the theatre and his weakness for alcohol.⁴⁸ Unlike taverns where he went in the company of those nice and useful acquaintances who happened along or coffeehouses where he went on his own, Pepys went to the theatre in the company of those who shared his passion:

This morning came my Cosen Tho. [Thomas] Pepys, to desire me to furnish him with some money; which I could not do till his father has wrote to Piggott his consent to the sale of his lands. So by and by we parted, and I to the Exchange a while; and so home and to dinner, and thence to the Royall Theatre by water; and landing, met with Captain Ferrer's his friend, the little man that used to be with him, and he with us and sat by us while we saw *Love in a Maze*. (10 June 1663)⁴⁹

Most frequently he went to the theatre in the company of his wife, Captain Ferrers or Creed during the day in the intervals between work activities.

GARDENS AND PARKS

In the same way Pepys took pleasure in using the rapidly evolving urban space of the 17th century for walks. Here belong parks, mostly Royal parks, as well as some covered spaces and courtyards. Even walks in the city could be enjoyable. However, as the streets did not provide enough comfort and convenience for walking, such walks were rare and short. Usually Pepys and his companions took advantage of good weather to get to their destination on foot rather than in a coach. What Pepys referred to as a walk was any promenade of some duration and not necessarily in the open space. As was the case with taverns, the walks were closely connected with his official duties and occurred in the places Pepys visited on business and in the company of the people he met there. During the walks he could discuss both business and personal matters. One of the places where Pepys frequently went for a walk was Westminster Hall (the oldest extant part of the Palace of Westminster). The hall contained the law courts and the walls were lined with bookstalls. It was a place to meet an interesting interlocutor or to talk to the booksellers. The space of Westminster Hall was one of the main centres for the exchange of the latest news and gossip.⁵⁰ Quite often, coming to Westminster on business, Pepys would walk up and down the Hall talking to acquaintances:

Thence to Westminster Hall to hear our cause, but did not come before them to-day; so went down and walked below in the Hall and there met with Ned Pickering, who tells me the ill news of his nephew Gilbert <who is turned a very rogue>. And then I took a turn

⁴⁸ For more, see A.V. Stogova, "Samuel Pepys and Solemn Oaths" [in Russian], *Shagi / Steps*, vol. 4, no. 3–4 (2018): 97–114.

⁴⁹ Pepys, *The Diary*, vol. 4, 179.

⁵⁰ K. Loveman, *Samuel Pepys and his books: Reading, Newsgathering and Sociability* (Oxford: Oxford University Press, 2015), 94.

with Mr. Eveling, with whom walked two hours, till almost one of the clock... (26 April 1667)⁵¹

St James's Park and, less frequently, Hyde Park where Pepys often happened to be on business provided another kind of space for walks. Parks were considered to be the space where one could take walks. A great part of the park area was covered with lawns for walks in dry weather, paved paths were intended for wet weather and shady lanes were wonderful in hot sunny days. At behest of Henrietta Maria a canal was dug with an island where exotic waterfowl was bred. Charles II opened the park to the public. Hyde Park was open to the public even earlier. James I permitted limited access to gentlefolk for a charge and Charles I opened the park to the general public. Being at some distance from the centre of London at the time, Hyde Park was visited by quite wealthy public who usually came there in carriages.

For Pepys, St James's Park was the space adjacent to the palace which he had to visit on official business. He seldom lost the chance to take a walk on the way to the palace or back or while waiting for his appointments. He also went to the park on the way from London to Westminster or back just to take a stroll. Quite often he did it alone in order to think and to breathe fresh air. Also, he took the walks there with one or two companions and the company did not vary a lot. Apart from the King, Duke of York, Mountagu and other persons of high rank, most frequently Pepys walked in the park in the company of John Creed, Philipp Warwick, George Carteret (Treasurer of the Navy and so a superior of Pepys who referred to him as a friend) and William Coventry (secretary to Duke of York and also a friend of Pepys'). When writing about his walks in the park, Pepys mentioned the name of John Creed most frequently:

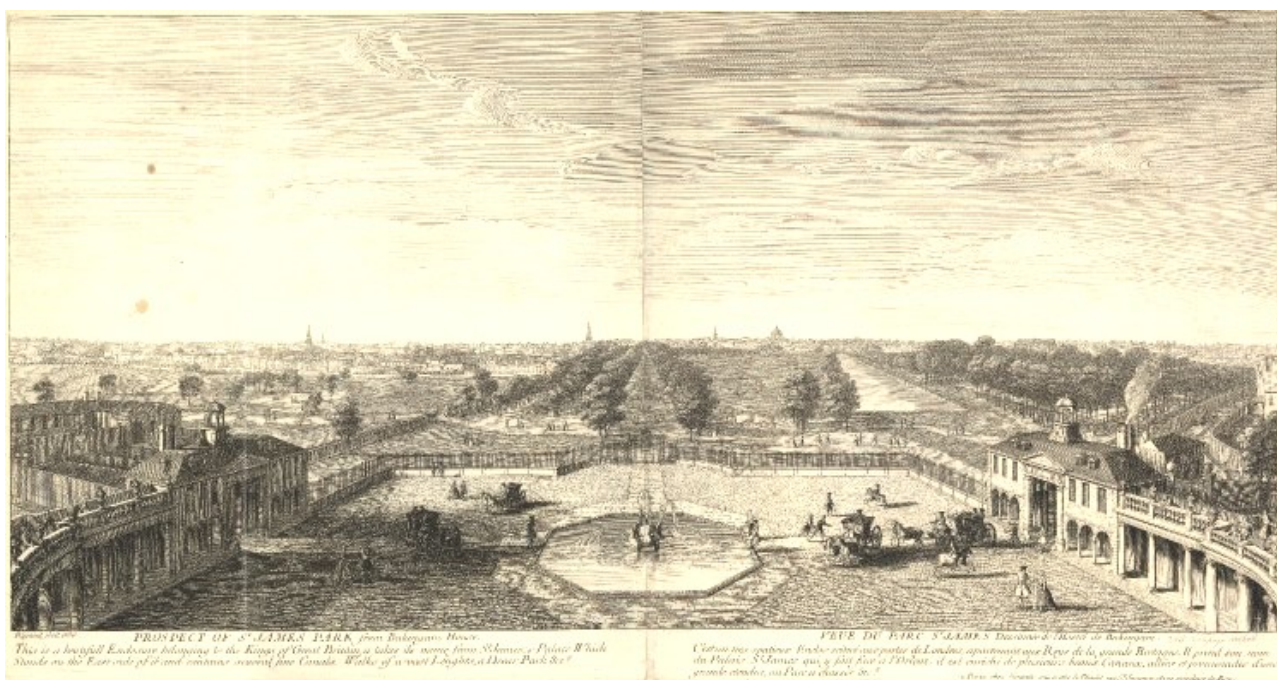
Thence with Creed and bought a Lobster, and then to an alehouse; where the maid of the house is a confident merry lass and, if modest, is very pleasant to the customers that come thither. Here we eat it, and thence to walk in the parke a good while... (22 June 1663)⁵²

Pepys enjoyed visiting other parks in Creed's company, but visits to Hyde Park were not frequent due to its remote location.

The choice of company is noteworthy in respect of both parks. In Westminster, where St James's Park was located, there was Whitehall, the Treasury and other governmental offices which Pepys visited with "Sir Williams both" and with a large number of other people whose company he rarely chose for walks in the park.

⁵¹ Pepys, *The Diary*, vol. 8, 181.

⁵² Pepys, *The Diary*, vol. 4, 192.

Prospect of St. James Park from Bukingam House.
 Engraving, 1736. (The British Museum)

Rare were the occasions when he took his wife to St James's. When they went to the area together, usually he took her to some acquaintances before going to the park. On the other hand, he visited Hyde Park predominantly in the company of his wife or relatives:

I home, and immediately dressing myself, by coach with my wife to my Lord Sandwiches; but they having dined, we would not light but went to Mrs. Turner's and there got something to eat; and thence, after reading part of a good play, Mrs. The [Theophila Turner], my wife and I, in their coach to Hide parke, where great plenty of gallants. And pleasant it was, only for the dust. (22 Apr 1664)⁵³

In the warm season of 1668–1669 Pepys visited Hyde Park once or twice a month, always accompanied by his wife. In general, when Pepys visited parks not because he just happened to go by but because it had been planned and he went there from home, he chose the company of his wife and relatives whom some of the friends could join. But he never went for such outings just with friends, not even with such an admirer of fresh air and specialist in gardening as John Evelyn.

In London suburbs there was a number of privately-run public parks. One of them drew Pepys's attention despite the fact that it was remote from his everyday routes and no business could summon him there. It was Vauxhall or New Spring Garden, one of the first public pleasure gardens, on the right bank of the Thames.

⁵³ Pepys, *The Diary*, vol. 5, 130.

Vauxhall Gardens shewing the Grand Walk at the entrance of the Garden & the Orchestra with the Musick Playing. Engraving and etching, ca. 1743. (The British Museum)

New Spring Garden opened in 1661. Pepys compared it with the “Old” Spring Garden⁵⁴ that was also a park till the end of 1660s. In 1660s London there was quite a number of public spaces for leisurely walks but New Spring Garden offered much more entertainment, it was a forerunner of amusement parks for adults:

Thence home, and with my wife and the two maids and the boy took boat and to Fox hall – where I had not been a great while – to the Old Spring garden. And there walked long, and the wenches gathered pinks. Here we stayed; and seeing that we could not have anything to eat but very dear and with long stay, we went forth again without any notice taken of us; and so we might have done if we had had anything. Thence to the New-one, where I never was before, which much exceeds the other. And here we also walked, and the boy creeps through the hedge and gather[s] abundance of roses. And after long walk, passed out of doors as we did in the other place. And so to another house, that was an ordinary house, and here we have cakes and powdered beef and ale; and so home again by water with much pleasure. (29 May 1662)⁵⁵

What made the new garden notable was that visitors could enjoy birdsong, flowers, berries and fruits, picking them from the trees, as well as various dainties served there. In the pleasure garden one could listen to music, have a picnic, and play balls or other outdoor games.⁵⁶ When in need of relaxation during the day, Pepys visited

⁵⁴ Bucholz and Ward, *London*, 202. There had been a Spring Gardens between Charing Cross and St. James’s Park.

⁵⁵ Pepys, *The Diary*, vol. 3, 94–95.

⁵⁶ S.J. Dowling, *The English Pleasure Garden, 1660–1860* (Oxford: Shire Publications, 2011), 13.

the garden in the company of Creed. More often, however, he came there accompanied by women: his wife or mistress or the whole party of ladies. The delights of pleasure gardens were intended for female company rather than solitude or serious conversations of men. The space of pleasure gardens must have inspired familiarities and amorous intrigue:

...I took Mercer (Elizabeth Pepys's companion – A.S.) by water to Spring-garden and there with great pleasure walked and eat and drank and sang, making people come about us to hear us, and two little children <of one of> our neighbours that happened to be there did come into our Arbour and we made them dance prettily. (11 May 1668)⁵⁷

Participation of Pepys's wife in various kinds of entertainment allows us to point out an interesting regularity. When it was the matter of leisure in itself – not short periods of rest during the pauses in business activities or moving around the city but prearranged outings in the open, visits to the theatre, dinner parties – Pepys was always connected with his family: wife, housemaids and sometimes other relatives. One or two friends could join the company. In this respect we could not but recall that the word “friend” meant both friends and relatives. Nominally, the latter were given priority in Pepys's free time, but in reality while at work or during the breaks between his business activities, Pepys spent much more time socializing with his friends.

On the whole, we can conclude that despite the blurring of the lines between work and leisure time and between friendly, professional and family circles of contacts, the multiplicity of spaces which could be used for private sociability allowed Pepys to vary his behavioral strategies in order to satisfy his most diverse interests. Discreteness and variability of social circles under such conditions made it possible to avoid conventionality and to emphasize a certain type of pleasure derived from communication. It facilitated the formation of the notion of leisure as the time intended for personal delights long before it was possible to separate leisure from working hours.

Литература

Алябьева Л. Литературная профессия в Англии в XVI–XIX веках. М.: НЛЮ, 2004. 397 с.

Людтке А. История повседневности Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. 272 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. СПб.: Европейский университет в СПб., 2013. 329 с.

Стогова А.В. Сэмюэль Пипс и торжественные обеты // ШАГИ / STEPS. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 97–114. DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-97-114

⁵⁷ Pepys, *The Diary*, vol. 9, 196.

Amussen S.D. Gender, Family and the Social Order, 1560–1725 // *Order and Disorder in Early Modern England* / ed. by A. Fletcher and J. Stevenson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 196–217.

Bucholz R.O., Ward J.P. London: A Social and Cultural History, 1550–1750. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 413 p.

Clark P. The English Alehouse: A Social History, 1200–1830. London, New York: Longman, 1983. 368 p.

Cowan B. Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses // *History Compass*. 2007. V. 5. № 4. P. 1180–1213. DOI: 10.1111/j.1478-0542.2007.00440.x.

Cowan B. The Social Life of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse. New Haven: Yale University Press, 2005. 364 p.

Dowling S.J. The English Pleasure Garden, 1660–1860. Oxford: Shire publications, 2011. 64 p.

Ellis A. The Penny Universities. A History of the Coffee Houses. London: Secker&Warburg, 1956. 290 p.

Ellis M. The Coffee House: A Cultural History. London: Hachette UK, 2011. 256 p.

Hailwood M. Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014. 266 p.

Kümin B. Drinking Matters. Public Houses and Social Exchange in Early Modern Central Europe. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 320 p.

Loveman K. Samuel Pepys and his books: Reading, Newsgathering and Sociability. Oxford: Oxford University Press, 2015. 308 p.

O'Calligan M. Tavern Societies, the Inn of Court, and the Culture of Conviviality in Early Seventeenth-Century London // *A Pleasing Sinne: Drink and Conviviality in Seventeenth-Century England* / ed. by A. Smith. Cambridge: D.S. Brewer, 2004. P. 37–54.

Porter S. Pepys's London. Stroud: Amberley, 2011. 256 p.

Powell A. John Aubrey and His Friends. London: Hogarth press, 1988. 342 p.

Shepard A. Meaning of Manhood in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2006. 292 p.

Westhauser K. E. Friendship and Family in Early Modern England: The Sociability of Adam Eyre and Samuel Pepys // *Journal of Social History*. 1994. Vol. 27. № 3 P. 517–536. DOI: 10.1353/jsh/27.3.517

References

Aliab'eva, L. *Literaturnaya professiya v Anglii v XVI–XIX vekakh* [Man of Letters profession in 16th–19th century England]. Moscow: NLO, 2004. (In Russian)

Amussen, S.D. “Gender, Family and the Social Order, 1560–1725.” In *Order and Disorder in Early Modern England*, edited by A. Fletcher and J. Stevenson, 196–217. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Bucholz, R.O. and J.P. Ward. *London: A Social and Cultural History, 1550–1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Certeau, M. de. *The Practice of Everyday Life*; translated by St. Rendall. Berkeley: University of California Press, 1984.

Clark, P. *The English Alehouse: A Social History, 1200–1830*. L., NY: Longman, 1983.

Cowan, B. “Publicity and Privacy in the History of the British Coffee-Houses.” *History Compass*, vol. 5, no. 4 (2007): 1180–213. <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2007.00440.x>.

- Cowan, B. *The Social Life of Coffee. The Emergence of the British Coffeehouse*. New Haven: Yale University Press, 2005.
- Dowling, S.J. *The English Pleasure Garden, 1660–1860*. Oxford: Shire Publications, 2011.
- Ellis, A. *The Penny Universities. A History of the Coffee Houses*. L.: Secker&Warburg, 1956.
- Ellis, M. *The Coffee House: A Cultural History*. L.: Hachette UK, 2011.
- Hailwood, M. *Alehouses and Good Fellowship in Early Modern England*. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2014.
- Kümin, B. *Drinking Matters. Public Houses and Social Exchange in Early Modern Central Europe*. NY: Palgrave Macmillan, 2007.
- Loveman, K. *Samuel Pepys and his Books: Reading, Newsgathering and Sociability*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Lüdtkke, A. *Alltagsgeschichte: zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen* (Frankfurt; NY: Campus, 1989); *The history of everyday life: reconstructing historical experiences and ways of life*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.
- O’Calligan, M. “Tavern Societies, the Inn of Court, and the Culture of Conviviality in Early Seventeenth-Century London.” In *A Pleasing Sinne: Drink and Conviviality in Seventeenth-Century England*, edited by A. Smith, 37–54. Cambridge: D.S. Brewer, 2004.
- Porter, S. *Pepys’s London*. Stroud: Amberley, 2011.
- Powell, A. *John Aubrey and His Friends*. L.: Hogarth Press, 1988.
- Shepard, A. *Meaning of Manhood in Early Modern England*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Stogova, A.V. “Semyuel' Pips i torzhestvennye obety” [Samuel Pepys and Solemn Oaths], *SHAGI / STEPS*, vol. 4, no 3–4 (2018): 97–114. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2018-4-3-97-114> (In Russian)
- Westhauser, K.E. “Friendship and Family in Early Modern England: The Sociability of Adam Eyre and Samuel Pepys,” *Journal of Social History*, vol. 27, no. 3 (1994): 517–36. <https://doi.org/10.1353/jsh/27.3.517>